

Эра Безумия
Песнь о разбитом
солнце

Валерия
Анненкова

Annotation

Убийство – это не только чья-то отобранная жизнь. Всякий раз, когда человек лжет, он убивает частицу этого мира. Ложь – то же самое убийство, только сокрытое под лукавым ликом. Закат XIX века. Под личиной порядочного семьянина, уважаемого чиновника скрывается жестокий убийца. Могут ли изменить что-либо чувства: нежные, испытываемые к маленькому сыну, и страстные, уводящие к юной девушке? Возможно ли пересилить жажду крови, когда большая семья, ставшая для ребенка солнцем, раскалывается?

Эра Безумия. Песнь о разбитом солнце

Валерия Анненкова

© Валерия Анненкова, 2018

Солнце на закате дня...

И влюбленных, и глухих,
И поэта вечный стих,
И улыбку с материнского лица,
И львиное сердце отца —
Всех ждет солнце на закате дня,
Смерть, потом священная земля,
Что покрыта осени листом,
Словно вера над крестом...

Смерть всегда нянчила человечество. Каждого, без исключения. С самого рождения, она окружает каждого человека. Именно смерть, ее порою не всем понятные выходки, ее неожиданные визиты — все это рано или поздно затмевает разум, превращает сердце в камень, порождает убийц в обществе.

Вот они, самые уникальные дети на свете — дети смерти. Есть в них что-то безгранично темное, завораживающее. Многие набрасываются на них с обвинениями, презирают их. Но так ли чисты эти судьи?

Убийство — это не только чья-то отобранная жизнь, нет. Всякий раз, когда человек лжет — он убивает частицу этого мира. Ложь — то же самое убийство, только сокрытое под лукавым ликом и сладкой сказкой. Всякий раз, когда человек бежит от любви — он убивает частицу своего сердца. Не поддаваясь естественным чувствам, люди добровольно умерщвляют себя. Всякий раз, когда человек проходит мимо, не обращая внимания на страдания другого, — он убивает частицу своей души. Равнодушие — вот самое страшное преступление, рождающее отвратительное убийство!

Жестокости хватает среди людей. Но это чувство не всегда является грехом, порою оно — лишь награда за доброту.

Уверяю, вы не встретите человека, прожившего на свете больше пяти лет, который был бы безгрешен и не убил бы. Даже дети убивают. Когда ребенок видит красивый цветок и срывает его, разве это не убийство частицы мира, такой же живой и прекрасной?

Жестоким был и Творец. Создавая мир, скорее всего, он не задумывался, о том, что убивает природную любовь между небом и морем, отражающими друг друга.

Если вам когда-нибудь скажут: «У каждого есть, что терять» — никогда не верьте этим словам. Бывают люди, у которых нет таких ценностей, заставляющих их ценить жизнь и остерегаться риска. Бойтесь такового, ибо отсутствие страхов помогает ему совершать поступки, на которые неспособен ни один здравомыслящий человек!

Но даже его будет ждать гроб и смерть, сопровождающая человечество в течение всей

истории – так повелось. Все мы дети смерти...

Монотонные шаги гулким скрипом разносились по темному коридору. Дерево. Старое. Очевидно, доски успели за долгие годы впитать достаточно влаги, поймать сотни солнечных золотых алмазов, чтобы теперь оказаться обреченными на медленную гибель сред пыли и сырых стен. Их пленительный аромат – окутанная ласками полевых цветов душа леса, который навеки был пленен холодными дождями. Хвоя. Где-то в глубине досок сохранился ее запах, теперь едва уловимый. Остался лишь густой шлейф смолы, навеки застывшей на мертвом дереве.

Дверь со скрежетом открылась. Протяжный режущий сознание на немые выкрики, слабые попытки возмущения звук разлетелся по почти пустой комнатке. Лишь широкая низкая постель в углу уподобляла это помещение спальне. Шкафов не было. Столиков не было. Кресел не было. Стены с каждой секундой серели и покрывались ядовито-желтыми пятнами. Через открытое окно мокрый северный ветер приносил с моря стоны покрывшихся льдом водорослей. Сырость пропитала воздух. Каждый ее укус ощущался в горле, стоило только сделать вдох.

Крик. Тихий девичий голосок, сорвавшийся после многочисленных призывов, судорожных вздохов, подобно шороху рыжих листьев, что срываются и мучительно медленно улетают прочь, разбивался о стены. Все вокруг было застелено матовой шалью. Опухшие от слез, красные глаза почти ничего не видели. Невозможно было рассмотреть исцарапанные о шершавую поверхность маленькие пальчики. Круглыми рубинами на них цвела запекшаяся кровь.

Лишь *его* темная статная фигура пятном мелькала на фоне тусклых стен. Кошачьи шаги. Еще немного, и он будет близко. Совсем близко! Секунда. Две. Три. Облаченная в белую перчатку ладонь легла на выпирающее плечико. Не стоило смотреть на этого мужчину. Голод устроил безумную пляску в черной душе. Его искры застыли в светлых глазах.

Дрожь. Она разносилась по телу от одного прикосновения. Острые уколы ее шипов впивались под ребра, лишали возможности двигаться. Застыла дрожь, когда цепкие мужские пальцы впелись в подбородок девушки. Сдавленная до болезненного писка нижняя челюсть онемела. Даже поочередное прикосновение к уголкам рта горячих, распаленных вином губ не могло затмить боль. Даже скольжение влажного языка по стиснутым от страха зубкам не спасало от реальности.

Девушка взвизгнула, как только вторая рука, которой мужчина до этого терпеливо расстегивал пуговицы на пальто, спустилась вниз вдоль спины и забралась под подол выцветшего желтого платья. Она что-то лепетала, как испуганная девочка, молила его прекратить. А слышал ли он ее? Нет. Лишь рвущийся из груди призыв похоти диктовал ему, что делать.

Время ныне летело слишком медленно, тянулось, ползло, подобно улитке.

Уже две руки копошились под ее юбками. Рвущие движения. Треск тонкой ткани, зажатой в кулаках. Новый крик. Она пыталась оттолкнуть его. Тщетно. Слабые женские ладошки, будучи обращенными в костлявые кулачки, оставались последним шансом. Как известно, многие надежды оказываются иллюзиями, питающими самоуверенность.

Юная дикарка металась в тот момент по кровати, надеясь вырваться из крепких мужских объятий? Возможно. Любая женщина, загнанная в угол, превращается в дикарку. Особенно, когда последняя вещь, скрывающая нетронутое доселе тело, летит куда-то

в сторону, в дальний темный угол, где задыхается в грязной серой паутине бабочка, белая, словно первая зимняя снежинка. Она запуталась. Крылья больше никогда не поднимут ее. Вскоре появится черный паук.

Шорох дорогой ткани. На стул повешено темное пальто. Сползли вниз к коленям черные брюки с лампасами.

Изящная ладонь по-хозяйски легла на мягкую грудь. Прервана очередная попытка вырваться, поцарапать щеку. Мужские руки сжали тонкие запястья. Бесполезная попытка свести ножки в ответ осквернена глухой усмешкой. Бледные пальцы надавили на голубоватые вены. Сильнее. Еще сильнее. Должны будут остаться лиловые следы.

Вновь мольбы. Слезы, застилавшие взор, слетали со светлых ресниц. Палец, приложенный к потрескавшимся губам. Бархатное шипение. На какое-то зыбкое мгновение тишина ворвалась в комнату.

Запах спелых слив скатывался с пепельных волос девушки, падал на простыню, чтобы навеки застыть на бежевой ткани.

Крик. Голос уподобился шуршанию смятой бумаги.

Стон. Первый в ее жизни. Болезненный. Пустой. Премерзкий скрип кровати бился о стены, вылетал в окно, за которым сгущалась ночная мгла. Ее черные отблески плясали на сверкающем кинжале, что скользил по тонкой голубой вене, обтянутой бледной кожей. Бессмысленно молиться. Бессмысленно просить пощады. В стеклянных глазах не было жалости.

Кровь коснулась лезвия, тонкой струйкой скатилась по шее и расплылась по подушке. Рассеялся стон. Навеки. Хрип. Тишина. Кошмарный сон? Нет?..

Глава 1. Обычный день

Тот день нельзя было назвать особенным. Двадцать шестого января одна тысяча восемьсот девяносто второго года в Санкт-Петербурге, как и всегда в конце сего замечательного месяца, шел снег, такой белый, словно отражение детского сна. Одна за другой маленькие снежинки кружились в легком вальсе и падали на землю, превращаясь в большие светлые комья, излучающие какое-то особенное, магическое сияние.

Среди всех домов, чьи крыши были завалены даром колдуньи-зимы – снегом, можно отметить один – тот, в котором, не смотря на мрачность вполне-таки обыденного утра, не угасала некая искра семейного счастья и теплого уюта. Тот дом принадлежал одному из самых известных на тот момент чиновников в Санкт-Петербурге, статскому советнику Александру Леонидовичу Лагардову.

Об этом мужчине, стоит признаться, ходило множество слухов и выдуманных народом легенд, в правдивость которых не всякий поверит. И правильно сделает. Ведь среди всех мифов можно было встретить и сказки, в которых утверждалось, что Александр Леонидович являлся колдуном и частенько практиковал чёрную магию, благодаря чему и достиг высокого положения в обществе и не самой низкой должности.

Действительно, сложно поверить, что мужчина, хоть и из дворянского рода, сумел достигнуть таких высот к тридцати девяти годам. Но всему, разумеется, можно найти вполне логичное объяснение. И успехи Лагардова в стремительном продвижении по карьерной лестнице не были исключением. Он просто любил свою работу и свято верил в процветание своей страны. В любые времена истинные любовь и уважение к своей Родине были, есть и будут самыми редкими чертами человека, отличающими его от всех лицемеров. Наверное, эти качества, сливающиеся в искренний патриотизм, были второй причиной его счастливой жизни.

Первой же причиной, конечно, являлась семья Александра Леонидовича, состоящая из заботливой жены и не по годам смышленного сына. Безусловно, статский советник любил их, как и любой порядочный человек.

Сейчас он находился в саду, среди широких заснеженных аллей и медленно расхаживал из стороны в сторону. Каждое его движение смотрелось очень грациозно благодаря высокому росту и статному телосложению. Одет он был в темно-синее пальто с меховым воротником, чёрные брюки и туфли такого же цвета. Его тёмно-коричневые волосы были спрятаны под тёплой шапкой. Лицо, лишённое в стрижке бакенбард и прочих безумств. Холодный ветер ударял в его бледное приятное лицо. Мороз жестоко касался светло-голубых глаз, окруженных темными ресницами, затем плавно перелетал на длинный узкий нос, щеки, резко очерченные скулы и плоские губы.

Казалось, с каждым шагом мужчины снег падал ещё быстрее. Среди белой занавесы, среди ледяных аллей появился мальчик лет пяти в светло-серой шубке. Он бежал навстречу Лагардову, быстро ступая на землю, объятую льдом, не боясь поскользнуться и упасть. Это было то самое воплощение детской непредусмотрительности; ни один ребёнок не будет бежать, думая, что он споткнется. Он просто будет стремиться к своей цели. Так же делал и этот мальчишка, будто свято веривший в то, что крошечные чёрные сапожки уберегали его.

Подбежав к Лагардову на близкое расстояние и, заметив его иронично строгий взгляд, решил остановиться, но заскользил и, дабы не упасть, схватился за рукав пальто Александра

Леонидовича. Мужчина едва успел почувствовать, как крошечные детские ручки в мягких сереньких варежках схватились за его руку. Дыхание мальчика сбивалось, заставляя его судорожно хватать холодный воздух ртом. Отдышавшись, ребёнок зашептал тихим, приятным голосом:

– Папа... Папочка! Вот ты где! Я тебя искал...

Глядя на маленького проказника, Александр Леонидович обреченно вздохнул и слегка коснулся его розовенькой щечки.

– Алешка, Алешка, опять ты в снегу валялся. – Мужчина заботливо отряхивал спину ребёнка, покрытую белым дыханием зимы. – Вот теперь шубка будет мокрая!

Ребёнок лишь опустил голову, чувствуя себя провинившимся. В следующее мгновение Лагардов улыбнулся и, взяв мальчика за руку, повёл его в дом, проходя мимо деревьев, одетых в белоснежные шубы, и клумб, ещё некогда украшенных различными цветами.

Наивный детский взгляд с нескрываемой волшебной надеждой остановился на клумбе возле мраморного фонтана. Это было его самое любимое место, именно здесь мальчишка чаще всего прогуливался с мамой. Ребёнок отлично помнил, как она летом сидела с ним на скамеечке возле фонтана и рассматривала ярко-алые розы. Он надеялся, что будущим летом они опять будут так же проводить время вместе.

Лагардов отвлёк Алёшу, остановившись перед дверью и постучав так аккуратно, негромко, будто боясь кого-то потревожить. Спустя пару минут послышался звук поворачивающегося в замочной скважине ключа. Дверь открыла молодая служанка и в следующую секунду отскочила в сторону, с улыбкой поглядывая на мальчика.

– Анастасия Николаевна у себя? – бархатный голос Александра Леонидовича рассеял тишину в доме.

Он, сбросив теплую одежду, подобную тяжёлым оковам, резко развернулся и посмотрел на служанку. Она, наклонившись, стояла возле его сына, помогая мальчишке расстегнуть пуговицы на шубке. Светловолосая девушка, одетая в бледно-розовое приталенное платье с коротким рукавом выглядела слишком мило, слишком легко, несмотря на робкие движения, подобно бедной падчерице из сказки. Она молчала, сосредоточено вешая шубку мальчика в шкаф. Ребёнок, освободившись от скучной процедуры переодевания, тут же бросился к лестнице, начал торопливо подниматься на второй этаж, желая поскорее попасть в свою комнату.

– Я все ещё жду ответа. – Мрачным тоном произнёс Лагардов, приблизившись к служанке.

– Да, господин, Анастасия Николаевна в комнате... – Нерешительно ответила девушка, отступая на несколько шагов назад.

В этом замешательстве она выглядела интересно: светло-карие глаза растерянно пробежали по очертаниям темно-серой жилетки мужчины, не решаясь подняться выше, а коралловые губки дрожали от волнения. Но упаси вас Бог подумать, что причиной этой робости служанки был страх перед Лагардовым. Нет, слуги его не боялись, а глубоко уважали, что было большой редкостью. Служанка переживала из-за другого: она просто не могла смотреть в лицо господина, ибо, как и любая девушка в Санкт-Петербурге, знала, насколько чарующим был один только взгляд статского советника.

– Что же ты, Лизонька, так тихо отвечаешь? Простудилась? Или...

Александр Леонидович не договорил, коснувшись плеча служанки, заставив её невольно посмотреть ему прямо в глаза. Определённо, он находил в этом забаву, наблюдая, как

девчонка растерянно и в то же время заворожено глядела на него. Скромная и совсем ещё молодая она оправдывала ожидания мужчины, тщетно стараясь унять дрожь.

– А, впрочем, не столь важно! – довольно ухмыляясь, отошёл от неё Лагардов.

Он медленно, с неохотой поднялся по лестнице и остановился перед дверью в спальню. Мысленно посчитав до пяти, он схватился за ручку двери и решительно открыл её.

Пред ним предстала умиротворенная картина: вся комната с бледно-голубыми обоями была залита волшебным зимним светом, чистым и ярким. Косые лучи небрежно падали на белую постель и бежевый персидский ковёр возле неё. Рядом с окном находилась пара комодов и овальное зеркало, перед которым сидела Анастасия Николаевна.

Ее бледно-сиреневое платье ярким пятном выделялось на фоне побелевшей спальни, темно-русые длинные волосы, аккуратно собранные и заколотые наверх, с особым блеском отражались в зеркале, небрежные локоны обрамляли еще не старое личико. Лагардов внимательно смотрел на её отражение в зеркале: серо-зеленые глаза и без особого макияжа выглядели весьма выразительно, строгий носик был особо интересным, пухленькие неяркие губы ещё не утратили прежней чувственности. В свои двадцать шесть лет она выглядела несколько моложе.

Мужчина знал, что сейчас она не замечала его, будучи полностью сосредоточенной только на своей причёске. Он сделал пару шагов вперёд, подкравшись к жене, как тигр к жертве, ожидая, когда она повернётся к нему. Не дождавшись ожидаемой реакции, Александр Леонидович приблизился к супруге, ласково заскользив губами по её тонкой шее. Женщина улыбнулась и смущенно посмотрела на него, проведя рукой по резко очерченной скуле. Её разум заняла истинная радость – за шесть лет брака муж не утратил прежней нежности.

– Александр Леонидович... – хриловатым голосом прошептала женщина, желая встретиться с его губами и слиться в поцелуе.

– Анастасия, – опускаясь на колени перед ней и зарываясь лицом в пышном подоле платья, произнёс Александр Леонидович, – надеюсь, ты хоть немного отвлеклась от смерти бабушки.

Она продолжала смотреть на него, такого любимого, готового всегда поддержать, приободрить и помочь.

– Немного... Вы вчера, позвольте заметить, вернулись слишком поздно. Вновь служба врывается в нашу семью? – лёгкий оттенок истерики промелькнул в её голосе.

Он молчал. Не доверял ей? Возможно...

Руки Анастасии Николаевны, доселе мирно покоившиеся на плечах мужчины, в следующее мгновение оказались накрытыми его крепкими ладонями. Сухие губы коснулись хрупких запястий. Только сейчас она заметила взгляд Александра Леонидовича, наполненный светлой надеждой заставить её радоваться. Лагардов хотел увидеть, как искренняя, а не натянутая улыбка коснется её очаровательного лица и звонкий смех заполнит комнату.

Но могла ли она смеяться сейчас? Могли ли светлые ноты счастья срываться с её уст, когда буквально несколько дней назад ей пришлось лишиться близкого человека? Сама Анастасия Николаевна была твёрдо уверена в этом, но супруг все ещё верил, что сможет заставить её забыть об этом хоть на пару минут.

Тут дверь тихонько приоткрылась, и Алеша со свойственной ему ловкостью прошмыгнул в комнату. Ребёнок остановился у входа, с робким интересом наблюдая за действиями

родителей. Впервые он почувствовал себя сторонним наблюдателем, на которого никто не обращал внимания. Каким странным казалось ему это явление, когда ты, подобно призраку, остаешься никем не замеченным. Мальчик видел, как мать находилась в состоянии, близком к тому безвозвратному чувству, когда боль и скорбь разрывают человека на части. Отец же стоял перед ней на коленях, словно исповедуясь в каком-то страшном преступлении.

Поначалу Алеша подумал, что она плакала из-за папы, но эта мысль тут же исчезла, он заметил, как её взгляд упал прямо на мужа, и как её руки начали путаться в его тёмных волосах. Мальчишка был уверен, если бы мама плакала из-за отца, то она бы не смотрела на него с такой любовью. Ребёнок, не выдержав, подбежал к ним, обнял Анастасию Николаевну и сказал:

– Мамочка! Любимая мамочка, пожалуйста, не плачь! Я люблю тебя...

Насколько искренними были эти слова, произнесенные мальчиком. Лагардов быстро поднялся с колен, желая подавить внутреннюю слабость, заставившую его проявлять заботу в отношении жены. Каждая ночь, подобная прошлой, убивала в нем искреннего любящего семьянина.

Странно, Александр Леонидович всегда боялся, что кто-то будет видеть все его чувства к Анастасии, что кто-то может стать свидетелем безумных признаний в любви и страстных объятий. Даже при сыне он боялся казаться заботливым и любящим супругом, ибо думал, что это проявление слабости.

Отчасти Лагардов был прав. Любовь, действительно, является слабостью, способной сделать даже самого сильного человека беззащитным ребёнком. Александр Леонидович не мог позволить себе подобное, ведь все чувства, эмоции, страсти – нечто запретное для статского советника. Он обязан быть лишь строгим и справедливым представителем власти, лишенным всяких людских несовершенств. Ни любви, ни желаний, ни прочих каких-либо безумств не должно царить в его душе. Лагардов тщетно пытался ровняться на этакий идеал, но, как только ночь накрывала тёмной вуалью город и он оказывался дома, оставаясь один на один с супругой, здравомыслие резко оставляло его. В такие моменты статский советник просто отдавался страсти, одолевавшей его.

– Я тоже люблю тебя, котенок... – ласковый шепот Анастасии Николаевны отвлек Лагардова.

Он посмотрел на неё: ясные глаза с трудом подавляли слёзы, отчаянно рвущиеся мы наружу, бледные губы немного держали, а тонкие пальцы аккуратно перебирали короткие немного вьющиеся русые локоны сына. Мальчик обнимал маму, что-то бормоча ей на ухо. Как же он устал от всего этого...

Александра Леонидович хоть и любил семью, но ему жутко надоедало, когда жена подсознательно, на каком-то невесомом уровне передавала всю свою тоску и печаль сыну. Он замечал не единожды, как настроение, ещё пару минут назад свойственное только Анастасии, заражало Алешку. Именно этим статский советник объяснял меланхолию сынишки. Последнее время ему очень хотелось оградить мальчика от общения с матерью.

– Алеша. Сынок, – мягко произнёс Лагардов, погладив ребенка по голове. – Беги к себе в комнату, поиграй. Я скоро приду. Хорошо?

Мальчишка неохотно отошёл от матери, обнял отца, кивнул пару раз в знак согласия и торопливо поплелся к себе. Александр Леонидович закрыл за ним дверь на ключ и, тяжело вздохнув, развернулся и встретился со взглядом жены, наполненным недовольством. Она

встала со стула, подошла к нему и произнесла:

– И почему вы, сударь, не разрешаете мне общаться с сыном?

– Я делаю это для твоего же блага, дорогая моя! – мужчина легонько схватил её за талию и притянул к себе. – Тебе нужно расслабиться, а Алеша тебе этого не позволит. Он ведь ребенок и, как любой другой, требует к себе внимания.

– То есть вы, Александр Леонидович, считаете, что я как мать не могу дать ему достаточно внимания? – обиженным тоном произнесла женщина.

– Анастасия, – поборов лёгкое сопротивление с её стороны, Лагардов дотянулся до шнуровки корсажа шелкового платья, – послушай, сейчас тебе не стоит тревожиться о нашем сыне, главное – позаботиться о себе.

– Но... как я могу заботиться о себе, если вы, муж мой, постоянно пропадаете где-то вечером? Как? Где же ваше внимание? – она ничего не успела сказать: поцелуй мужчины прервал ее.

– Молчи, не говори ничего! – Александр Леонидович расшнуровывал корсаж. – Тебе нужно внимание?

Послушно откинувшись на кровать, Анастасия Николаевна провожала пустым взглядом упавшее на кресло платье. Шорох нижних юбок, постепенно задранных вверх. Шелк со стоном угнетенной жертвы превращался в тонкие лоскуты. Едва ли вой ветра, ударяющего в окна, мог сравниться с этим треском.

Все происходило по старому сценарию: он хочет – она подчиняется, он наслаждается – она терпит. Такое ли внимание было нужно? Может быть, в глубине души ей и хотелось чувствовать себя безжизненной куклой в его руках. Все-таки Анастасия Николаевна не пыталась даже сопротивляться его прихоти. Может быть, она ожидала подобное обращение: равнодушный взгляд, отсутствие всякого интереса к ее предпочтениям. Резкие движения, болезненные точки, отзывавшиеся томлением внизу живота. Укусы на шее такие, которые сложно скрыть даже под толстым слоем пудры. Может быть, женщина сама нуждалась в этой игре...

Он не смотрел в ее глаза. Слишком надменными они казались ему. Всякое желание, искрящееся в них, было омерзительно знакомым. Каждый ее стон напоминал шелест смятого листа бумаги. Мужчина сжимал шею супруги в том самом порыве, каковой, по ее ошибочному мнению, являлся контролируемым. Он бы придушил ее, если бы не впивавшиеся в широкие плечи ногти, что со звонким хрустом ломались, царапали кожу и оставляли алые следы на ней.

Мысль о ее смерти была слишком сладкой, желанной. Невозможно было забыть падение этой женщины год назад. Коварный удар куда-то под ребро. Жестокая насмешка над ним, над его ныне мертвым уважением к ней, над их сыном.

Не подозревая, что ему все известно, она отдавалась во власть сковавшей тело похоти. Влажная, но уже не столь узкая. Наверное, она совсем не замечала, как ему наскучило это. Распалая Александра Леонидовича совсем не страсть. Ненависть. Бессильное желание доказать, что ее тело принадлежит только ему, резало разум. Досада. Никак не получалось верить в это. Совершенно чужая женщина. Не его!..

Глава 2. Призрак из прошлого

На следующий день, в поместье графа Николая Усурова царила мрачная атмосфера, накрывшая своей мёртвой шалью весь дом. В широком зале, окруженный толпой находился гроб. Тёмно-фиолетовая ткань его переливалась в бледных лучах зимнего солнца, оттеняя неким смертельным блеском.

Среди присутствующих можно было заметить и Лагардова. Ярко-черная бархатная ткань его фрака особо выделялась среди всех других серых и неприметных красок. Благородное лицо мужчины было слишком бледным то ли из-за освещения, то ли из-за сильной усталости, преследовавшей его не первую неделю. Светло-голубые глаза его казались стеклянными. С виду Александр Леонидович выглядел весьма спокойно, но внутри что-то мешало ему сосредоточиться на одной мысли, какая-то невидимая сила заставляла его теряться, нервно сжимая в руках белые перчатки.

Рядом с ним стояла Анастасия Николаевна. Её тело била мелкая дрожь, она принималась к мужу, желая найти в его объятиях поддержку. Лагардов машинально приобнял ее и совершенно скованно погладил по спине. Он не думал о её скорби, лишь пытался поскорее заставить её успокоиться. Казалось, с каждым его вздохом, с каждым движением его руки, едва касавшейся её, она все больше замыкалась в своей печали, не сдерживая эмоций, рвущихся из самой глубины чистого сердца. Слезы одна за другой скатывались по её щекам и падали на темно-синий подол платья.

Одна только мысль не давала ей покоя: «Неужели, она больше никогда не увидит свою бабушку?» Мороз пробегал по её коже каждый раз, когда она смотрела на гроб. Затем женщина отошла к окну, тщательно стирая слёзы.

Тут среди гостей появился сам Николай Васильевич, с виду неё особо опечаленный смертью матери. А хотя, почему он должен был сходить с ума по этому поводу, если и так было известно, что Екатерина Дмитриевна не протянула бы и недели? Он прекрасно знал и понимал это. Не каждый человек способен осознать смерть своей любимой матери, которой едва минуло шестьдесят восемь лет. Но Николай Васильевич же не боялся смерти, которая, придя ночью за Екатериной Дмитриевной, слегка зацепила его своей косой, заставив схватиться за больное сердце.

Николай Васильевич сейчас явно был отвлечен какой-то другой мыслью. Его тёмно-коричневый костюм подчеркивал скованные, будто намеренно сдерживаемые движения, свойственные человеку, думающему только о чем-то важном. Белая рубашка почти сливалась с бледным лицом, изрезанным морщинами, уголки плоских губ были опущены, как и подобало серьезному человеку, карие глаза спокойно смотрели из-под немного опущенных век на окружающих, словно оценивая каждого присутствующего.

В зал, следом за графом, вошла молодая девушка в чёрном шёлковом платье, корсаж которого вплотную прилегал к талии, идеально повторяя изгибы её тела. Короткий тёмный корсет, украшенный ажурным кружевом серого цвета, замечательно контрастировал с высоким чёрным кружевным воротником с вырезом на груди в виде капли.

Стоило ей только войти, как взгляды всех присутствующих были мгновенно обращены на неё. Оттенок смущения коснулся её очаровательного личика: ярко-зеленые глаза как-то по-особенному заблестели, пухленькие алые губки растянулись в едва заметной очаровательной улыбке, аккуратные щечки покрылись лёгким румянцем.

Вниманием не обделил её и Лагардов, доселе сосредоточившийся на своих мыслях. Он впервые поднял голову и с интересом взглянул на юную особу. Сердце его забило сильнее, мысли мгновенно перепутались. Он смотрел на девушку, тщетно стараясь вспомнить, где прежде мог видеть её. Александр Леонидович чувствовал, что прежде встречал её, ощущал что-то близкое в присутствии очаровательного создания. Взгляд мужчины скоро пробежал, не упуская ни малейшей детали её образа. Особо его заинтриговал цвет волос девушки, невероятно яркий, огненно-рыжий. За всю жизнь ему не доводилось встречать таких прекрасных особ.

Или почти не доводилось?

Вскоре незнакомка, идущая под руку с графом, приблизилась к Анастасии Николаевне. Лагардов начал замечать, как какое-то чувство медленно подступило к его горлу, начав мучительно душить. Это ощущение напоминало нечто иное. Ревность? А могли ли он ревновать эту девушку, если даже не знал, кто она, кем была графу и зачем присутствовала на похоронах Екатерины Дмитриевны? Конечно же, нет. Но Лагардов считал своей обязанностью узнать, что же за очаровательное создание сопровождало пятидесятилетнего графа. Вскоре Николай Васильевич оставил свою спутницу и исчез среди гостей.

Александр Леонидович, движимый каким-то странным порывом, решил вмешаться в разговор супруги и юной особы. Когда он приблизился к ним, до него долетел отрывок из их беседы, а точнее – имя Анна. Его словно поразило молнией: мужчина тут же остановился, замерев на месте, голова закружилась, сердце забило в бешеном ритме, но внешне он не выдал этого. Лагардов просто смотрел на девушку, постепенно узнавая в ней призрака из прошлого. В его памяти сразу возродились события шестилетней давности.

Шесть лет назад Александр Леонидович пожелал свататься к Анастасии Усуровой. В тот день на улице стояла достаточно тёплая погода, лёгкий майский ветер пробежал по листве деревьев, по водной глади озерца и разбивался о сухой песок, опаленный солнцем. В саду ласково пели соловьи, чей голос украшал поистине невинную беседу Лагардова и Анастасии Николаевны, сидевших на скамейке возле высокого фонтана.

Мужчина, приободренный согласием графа Усурова на брак, воодушевленно беседовал с девушкой, надеясь хоть чем-то заинтересовать её. Его черный редингот из тонкой ткани никак не гармонировал ни с яркой зеленью деревьев и кустов пышных аллей, ни со светлыми розами на клумбах. Чёрный цвет даже не смотрелся рядом с бледно-розовым платьем Анастасии. Тем не менее, это не мешало Лагардову, подобно поэту, признаваться в любви. А хотя, для чего он делал это? Ведь в тридцать три года он занимал не последнее место при дворе и был завидным женихом. Зачем же тогда ему было нужно все это, если Усуров, исходя из личной выгоды, все равно выдаст за него замуж свою старшую дочь?

Скорее всего, ему нравилось наблюдать, как Анастасия Николаевна в полном смущении опускала глаза и старалась сдержать лучезарную улыбку, дарившую ему надежду. Лагардов был рад видеть эту милую картину: девушка, чьи светлые волосы, заплетенные в косы, слегка задевал ветер, вертела в своих руках короткую болотного цвета ленточку, боясь взглянуть на него.

– Я готов поклясться, дорогая моя, что не встречал столь прекрасной леди, как вы! – бархатный голос мужчины разносился по всему саду, околдовывая и лаская слух.

– Могу ли я верить, что все сказанное вами – правда? – исподлобья, с недоверием, посмотрела на него Усурова.

– Я лишь хочу верить, что моя любовь – не мрачная тоска, не безнадежное увлечение, и даже не мечта, возрожденная вновь, а чувство, достойное ответа и уважения... – он замолчал на несколько секунд, притянув её руку и поцеловав нежную кожу. – Вот видите, что вы со мной сотворили, мадемуазель! Я уже стихами заговорил.

Она одарила его самой очаровательной улыбкой, позволив приобнять за хрупкую талию и подсесть ближе. Лагардов воспользовался этим, и уже в следующее мгновение он сидел рядом с ней, его нос слегка касался её светлых волос, а губы – мочки уха. Анастасия Николаевна иногда чувствовала его дыхание на своей шее, вздрагивая каждый раз и забавляя этим мужчину.

– Я прошу вас, милая моя, хотя бы позвольте мне верить в то, что я любим вами, сердце любого человека должно верить! – шептал Александр Леонидович ей на ухо.

В этот момент среди аллей появилась двенадцатилетняя девчонка в бледно-желтом платье. Она бежала навстречу чему-то: её ярко-рыжие косы, украшенные белыми лентами, подпрыгивали в такт каждому движению, ручки были согнуты в локтях и постоянно перемещались вперед-назад, а ножки, обутые в желтые туфельки, быстро ступали на землю.

Девочка подбежала к Лагардову и запыхавшимся голосом произнесла:

– Александр Леонидович, папа просит вас подняться к нему в кабинет...

Мужчина вздохнул, бросил на Анастасию Николаевну полный безысходности взгляд и поднялся с лавочки, подойдя к девчонке.

– Спасибо, Анечка, – он поцеловал её в лоб, – беги, передай Николаю Васильевичу, что я сейчас приду...

Аня кивнула, побежала в сторону дома и тут же скрылась из виду.

Сейчас Лагардов вспомнил эту девчонку, ту самую милую малышку, похожую на рыженького чертенка. Теперь, спустя шесть лет, пред ним предстала совсем другая младшая дочка Усурова, теперь это была рыжая демоница, отравляющая его разум одной непристойной, сладострастной мыслью.

А ведь бабушка умерла за неделю до восемнадцатилетия Анны. Странное совпадение...

– Здравствуйте, Александр Леонидович! – воскликнула девушка, заметив его.

Мужчина тревожно взглянул на неё, словно из-за этого Анастасия Николаевна могла уличить его в измене. Но, очевидно, забыв об этом, тут же приблизился к ним, позволив себе приобнять супругу, внимательно смотревшую на сестру. Анастасии Николаевне явно не нравилось возвращение Анны из Франции спустя шесть лет. Она до сих пор не понимала, почему младшая сестра согласилась уехать к тётушке, с которой виделась всего пару раз в жизни. Госпожа Лагардова осуждающе смотрела на неё, скорее всего, из-за довольно соблазнительного платья, каковое она сама бы вряд ли надела, будучи даже незамужней дамой.

– Я сейчас вернусь... – сказала женщина и направилась в сторону графа Усурова.

Анна и Александр Леонидович остались стоять рядом и с явным смелым интересом смотреть друг на друга. Лагардов тщетно пытался понять, почему же его так сильно привлекала девушка, что именно в ней околдовывало его. Увы, он не мог объяснить это, его непреодолимо тянуло к младшей дочери графа. Мужчина продолжал изучать черты её лица. Идеальные! Такими они казались ему.

– Мне вас очень не хватало...

Её голос, ставший со временем нежнее, отрезвил Александра Леонидовича. Он начал

вдумываться в смысл каждого слова из произнесенной ею фразы. Он не мог поверить, что именно ей, именно его не хватало. Кто бы мог подумать, что одна такая фраза была способна породить в его разуме массу догадок и предположений насчёт причины сего признания. Лагардов желал, чтобы Анна сказала это не из вежливости, а из явного чувства к нему.

– Мне тоже, мадемуазель, вас очень... очень не хватало. – Он не заметил, как его взгляд пал на тихо вздымающуюся грудь девушки.

– Надеюсь, мы сможем ещё встретиться и поговорить наедине? – она ласково коснулась его руки, нервно сжимавшей перчатки.

– Да... Разумеется. – Он не сводил с неё глаз. В какой-то момент Лагардов заметил, что пауза затянулась. – Скажите, мадемуазель, как давно вы вернулись в Санкт-Петербург?

– Сравнительно недавно, недели две назад. В ноябре мне пришло письмо от отца с просьбой вернуться в Россию. И вот я здесь. – Анна говорила с лёгким французским акцентом, чуть ли не мурлыча «р».

Что-то в этом отпечатке Франции завораживало мужчину. Правда, одновременно с этим он испытывал и некую досаду, будучи вынужденным признать, что от прежней рыжей девчонки, некогда бегающей по саду и ловящей бабочек, не осталось и следа. Но с другой стороны, именно в этой роковой французской бестии он видел нечто прекрасное, то, что должно было принадлежать только ему.

– Стало быть, вас известили заранее о тяжёлой болезни вашей бабушки... – Александр Леонидович пытался говорить с ней на отвлеченные темы, не желая искушать своё воображение.

– Да, увы, я застала её живой... То есть, я хочу сказать, что лучше бы не видела её смерти... Ох, что же я говорю! Прошу, не слушайте меня, дорогой мой...

Девушка растерянно пыталась объяснить Лагардову, что боялась видеть смерть близкого человека. Она не могла подобрать слов – то и дело, опуская глаза в пол, прикрывала замечательный ротик, произнося, по её же мнению, полный бред. Мужчина же прекрасно понимал робость юной особы, поэтому в следующее мгновение приблизился к ней почти вплотную и легонько приобнял. Анна опустила голову ему на грудь, как сделала шесть лет назад, желая поскорее успокоиться. Разницей было лишь то, что теперь подобные объятия не смотрелись так целомудренно, как прежде, теперь они отражали каплю того безумного разврата, окутавшего мысли статского советника.

– Все хорошо, – шептал ей на ухо Лагардов, обнимая и прижимая к себе, – успокойся, все пройдёт...

Осознавал ли он сам, что тогда происходило, точно нельзя сказать. Должно быть, Александр Леонидович не замечал или не желал замечать, как на них с любопытством смотрели все присутствующие. Он просто наслаждался этим мгновением, дарящим ему возможность прикоснуться к очаровательной девушке, уткнуться носом в её длинные волнистые ярко-рыжие волосы, распущенные и аккуратно уложенные. Мужчина мог слабо почувствовать приторно-сладкий аромат её духов, сводящий с ума.

Девушка, очевидно, добившись желаемого результата – нежного объятия со стороны статского советника, продолжила прижиматься к нему, касаясь щекой бархатной ткани его фрака.

– Александр Леонидович, – тихо приговорила она, немного отстранившись и взглянув ему прямо в глаза, – я хотела вам кое-что сказать.

– Я вас внимательно слушаю. – Лагардов, ухмыльнувшись, взял её за руку.

– Понимаете ли, мне нужна ваша помощь. Даже не знаю, как сказать... – она смотрела по сторонам, будто боялась, что их разговор кто-то услышит. – Мой папенька изволит выдать меня замуж через месяц за некоего князя Хаалицкого...

Только она произнесла эту фразу, мужчина тут же вздрогнул, словно через его тело пропустили ток, лицо его омрачило отражение бессильного возмущения. Он не мог в это поверить: ее, красавицу, вот-вот должны были выдать замуж! Самое ужасное в данном случае – то, что Лагардов начал считать её своей, не имея на это никаких причин и прав.

– За Хаалицкого, говорите...

Мужчина повторил эту фамилию, буквально скрепя зубами. Его губы сами произнесли эту фразу, вертевшуюся в его голове, подобно юле, доводя до внутренней паники. Статский советник посмотрел в глаза девушки, такие зелёные и яркие, как отражение сна ребёнка о прошедшем лете. Её взгляд, наполненный наивной мольбой, полным доверием и самое главное – надеждой, одним из самых важных элементов человеческих чувств, без которого невозможно вся наша жизнь.

– Да, за Хаалицкого! Александр Леонидович, вы, что же, его знаете? – Анна, как маленькая девочка, верящая в чудеса, смотрела на него.

– Увы, нет, но завтра же постараюсь узнать что-нибудь о нем.

Девушка, движимая порывом каких-то неведомых чувств, обняла Лагардова, аккуратно обхватив руками его шею и прошептав с истинным французским акцентом «Спасибо». Он не мог понять, за что она благодарила его, если ему еще ничего не было известно ни о Хаалицком, ни о его намерениях, касаемо брака.

Поцелуй в щеку, такой нежный, невесомый, показался ему ударом тока.

В этот момент к ним подошёл Усуров. Статский советник знал, что в присутствии графа не сможет спокойно разговаривать с Анной. Присутствие её отца вызывало у него больше тревоги, чем мысль о возможном свержении императора. Лагардов тут же направился к Анастасии Николаевне.

– Отец, как я понимаю, вы на это и рассчитывали? – спросила девушка, не скрывая явного возмущения. – Вы не желаете, чтобы я общалась с господином Лагардовым, так?

– Учитывая, как вы, дорогая моя, посматриваете на него и льнете к нему, подобно домашней кошке, я просто обязан препятствовать вам. – Граф холодно отнёсся к негодованию дочери. – Тем более ваша матушка будет крайне недовольна, узнав об этом.

– Но это же смешно! – несколько громче произнесла она, всплеснув руками.

– Тише, Анна, прошу тебя, тише! – прошипел Усуров, посмотрев на неё, как на сумасшедшую. – Давай поговорим об этом позже, я не хочу новых слухов.

– Как вам угодно! – Девушка поспешила уйти в свою комнату, при этом весьма заметно проведя рукой по спине стоявшего недалеко Лагардова.

Графа накрыла волна возмущения: его щеки покраснели, в глазах вспыхнул огонь осуждения и ненависти, а губы сжались в недовольстве. Если бы он мог, то затопал бы ногами, высказав этим своё негодование, но у него не было выбора; вокруг были люди, которым все происходящее могло показаться верхом распутства.

А что же стало с Александром Леонидовичем, мирно разговаривавшим с супругой? Он, ощутив прикосновение Анны, постарался сделать вид, что ничего не произошло, но, к несчастью, это заметила Анастасия Николаевна.

– Что это было? – непонимающе произнесла женщина, чувствуя, как в её разуме боролись два чувства: удивление и ревность. А с чего она ревновала мужа, когда ничего

серьёзного не произошло. То, что сделала Анна, не могло означать только похоть, нет, девушка могла случайно прикоснуться к Лагардову.

Анастасия Николаевна приблизилась к мужу и, коснувшись губами его уха, произнесла:

– Что с вами, дорогой, вы побледнели?

– С чего вы взяли, Анастасия, что со мной что-то... – он проводил взглядом мелькнувший в дверях подол черного платья. – Со мной все хорошо...

– Я хочу немедленно вернуться домой! Слышите? – она перебила мужа, сжав его локоть так крепко, словно желая вонзить в него ногти. – Немедленно!

– Как пожелаете, любимая, как пожелаете...

Не дождавшись Усурова, который хотел еще о чем-то поговорить со старшей дочерью, семья Лагардовых начала собираться домой.

Глава 3 Семейство Усуровых

Стоит вернуться к Анне, вынужденной торопливо уйти в свою комнату. Она тут же кинулась к тумбочке с большим овальным зеркалом, забыв закрыть за собой дверь. Девушка достала из небольшого шкафчика кусочек белой ткани и разжала ладонь, в которой доселе прятала темно-коричневый короткий волос, незаметно украденный ею с фрака Лагардова. Довольная ангельская ухмылочка скользнула по ее губам. Глаза загорелись ослепительной радостью. Анна завернула в ткань тонкий волос и, услышав шаги за дверью, положила ее обратно в шкафчик. Затем она схватила расческу и начала спокойно перебирать вьющиеся рыжие пряди.

Дверь открылась и в комнату зашла Мария Романовна – мать девушки. Это была женщина сорока трех лет среднего роста и достаточно стройная. Было в ее лице что-то, привлекающее взгляд, несмотря на совершенно обычную внешность: светлые волосы, тронутые заметной сединой, светло-зеленые глаза, почти блеклые, впалые щеки и пухлые розовые губы. Казалось, это была совсем непримечательная женщина, но все равно какая-то частица то ли в ее взгляде, то ли в ее самовлюбленном нраве, притягивала внимание.

Девушка продолжала сидеть перед зеркалом, делая вид, что не замечает мать. Мария Романовна сделала пару шагов вперед, придерживая шуршащий подол темно-коричневого платья.

– Анна, – обратилась она к дочери, – ты с ума сошла?

– Ой, маменька! – повернувшись к ней лицом, произнесла девушка. – Извините, не заметила вас... Вы что-то хотели?

Мария Романовна иронично закатила глаза. Сейчас ее мысли застигало возмущение, а привычная манера спокойно разговаривать вообще куда-то исчезла. Она не знала, как говорить с дочерью, пару минут назад позволившей себе вольности, каковые не посмела бы сделать даже ее тетушка – сторонница свободных нравов.

– Думаешь, я не видела, что ты устроила в зале? – твердым голосом сказала женщина, едва сдерживая возмущенный крик.

Графиня Усурова схватила девушку за локоть, заставив подняться со стула и посмотреть ей прямо в глаза. Цепкие тощие пальцы крепко сжимали нежную девичью кожу, обещая оставить после себя синяки.

– Простите, но о чем именно вы говорите? – наигранно недоумевая, спросила Анна, щурясь от боли.

– О чем? – графиня Усурова перешла на крик. – О чем? Да как у тебя только хватает смелости и наглости притворяться, что ничего не произошло!

В этот момент дверь с тихим скрипом отворилась и на пороге появился высокий пожилой человек, опирающийся на лакированную дорожную трость со всей силой, которая только осталась в его дряхлых руках. Тот самый человек, чье участие в Даргинском походе наложило печать ненависти государя на семейство. Более того, ему все были обязаны долгими гонениями и сменой фамилии. Увы, из-за долгих презрений со стороны двора и обвинений в предательстве, Василий Иванович так поступил. Никто уже не мог вспомнить настоящую фамилию этого господина. Увидев мужчину, Мария Романовна тут же замолчала, отошла от девушки, недовольно вздохнула и более мягко обратилась к нему:

– Василий Иванович, что же вы делаете? Вам же нельзя расхаживать по дому после

произошедшего... Побойтесь, еще совсем недавно за сердце хватались.

Старик печально улыбнулся, словно посмотрел в глаза вечности, затем гордо поднял голову и посмотрел на нее сверху так, что мурашки пробежали по ее спине. Графиня Усурова, очевидно, не осознав своей ошибки, надменно приподняла светлую тонкую бровь. Анна, наблюдавшая за этим немым противостоянием двух поколений, невольно начала вспоминать о сегодняшней встрече с Лагардовым, мечтательно смотря в белый потолок и подперев подбородок рукой. Она не могла забыть столь притягательный образ Александра Леонидовича, его светло-голубые глаза, таящие в своей глубине умиротворение, нос, имеющий особый шарм, блистательную улыбку, наполненную искренностью.

От размышлений ее отвлек хриплый голос мужчины:

– Я, Мария Романовна, не настолько стар и глуп, чтобы выслушивать нравоучения своей невестки, решившей ни с того ни с сего заняться воспитанием дочери.

– Как вам будет угодно, граф! – прорычала женщина, собираясь уже выйти из комнаты. – Я просто хотела, чтобы о нашей семье не говорили в свете всякие пошлости. И все же, я вынуждена вас попросить поговорить с ней. Может быть, вас она послушает.

Графиня ушла, оставив дедушку наедине с внучкой. Мужчина приблизился к Анне, ласково проведя рукой по ее щеке и заправив за ухо небрежно свисающий локон. Девушка прильнула губами к ладони старого графа, поцеловав ее и прошептал «Спасибо». Она устремила на него полный детской радости взгляд – как сильно он изменился за шесть лет: седые волосы, еще некогда серые, теперь окончательно побелели, серые глаза – выцвели, морщины, прежде слабо сковывавшие лицо, стали намного глубже и заметнее, лицо, не утратившее прежнего легкого загара, покрылись старческими пигментными пятнами. Он изменился... как и все остальные: как Александр Леонидович, как Анастасия, как ее мать и отец, как все прочие родственники, которых она так давно не видела. Правда, Василий Иванович не только значительно постарел и ослеп на правый глаз, но и потерял любимую супругу, что не могло не сказаться на его здоровье.

– Дедушка, прости, что тебя побеспокоили... – неуверенно произнесла Анна.

– Ничего, Анечка, ничего страшного. – Граф погладил ее по голове. – Лучше скажи мне, что у вас происходит.

– Все хорошо, дедушка.

Девушка замаялась, она не знала, что еще сказать ему, дабы успокоить и доказать, что ничего страшного не случилось. Хотя, это она так считала... на самом же деле все гости уже начали обсуждать ее и Лагардова, постепенно распуская слухи об их романе.

– Аня, – Василий Иванович хитро прищурился и погрозил ей пальцем, – не обманывай меня! Если я ничего не вижу правым глазом, это еще не значит, что я полностью ослеп. У меня еще левый есть, и благодаря нему я все прекрасно замечаю.

– Но... – девушка хотела что-то возразить.

– Не перебивай. – Спокойно сказал граф. – Что это ты так к Александру Леонидовичу льнула? Не влюбилась ли?

– Что за вздор, дедушка? Нет... вовсе нет! – отойдя к окну, ответила Анна.

– Милая моя, – мужчина сел на стул возле зеркала, печально взглянув на свое отражение, – за семьдесят лет жизни я многое повидал, поверь, многое... И ты представить себе не можешь, что я уже научился предсказывать будущее нашей семьи. Ведь, если припомнить, то именно я пророчил брак твоей тетушки Татьяны Романовны, именно я предсказал ссору между моими сыновьями... И все было за много лет до этих событий.

– Дедушка, прошу, не сравнивай меня с ними.

Обиженно поджав губу, она даже не соизволила повернуться к нему, продолжив смотреть в окно, наслаждаясь чудесным зимним пейзажем. Как прекрасно было на улице! Зима царила везде, окутывая природу морозным дыханием. Деревья, еще не до конца сбросившие золотистую листву, были накрыты толстыми слоями снега, напоминаясь белыми шубки, земля, которая должна была излучать тепло, была спрятана под светлым хрустящим ковром. Холодный ветер безжалостно цеплялся к чете Лагардовых, садящихся в карету, особо задевая подол платья Анастасии Николаевны.

Как только Анна заметила их, тут же переменялась: уставший от «допросов» взгляд снова вспылал огнем интереса, а сердце заколотилось в груди. Она сделала еще шаг, прижавшись к холодному окну, с утра покрывшемуся легкими узорами.

Василий Иванович это видел и прекрасно понимал, что могло вызвать у нее это неожиданное и необдуманное действие, этот порыв. Он знал, если бы окно было открыто, то Анна сразу бы, не сомневаясь ни на секунду, прыгнула. К счастью, этого не произошло.

– А я и не сравниваю. – Граф подошел к окну, снисходительно взглянув на опечаленную девушку.

– Почему так несправедлива жизнь? – вдруг спросила она, опустив голову на плечо дедушки.

– Потому что, родная моя, это жизнь, и в ней не бывает справедливости.

Она уткнулась носом в пиджак мужчины, содрогаясь от беззвучных рыданий и... слабости? Да, слабости, граничащей с беспомощностью. Лагардов был женат на ее сестре, и Анна ничего не могла сделать с этим. Даже если бы солнце упало в море, и земля разверзлась в пламени, судьба не преподнесла бы ей ни малейшего шанса, способного породить одно из самых сильных чувств в мире – надежду. Нет, этого не произошло бы никогда! От осознания этого, Анне хотелось сходить с ума; биться в безумной истерике, царапать стены, ломая ногти до жуткой боли, кусать губы в кровь, и молиться... Ей оставалось только молиться. Но кому? Бог бы не услышал этих молитв, ибо не позволил бы разрушить счастливую семью. Значит, просьбы девушки мог слышать только Люцифер. О, если бы она только могла продать душу дьяволу за одну возможность коснуться губ Александра Леонидовича своими, прижаться к нему и не отпускать хотя бы день... хотя бы час... хотя бы минуту...

– Анечка, – отвлек ее граф, – послушай меня, старого дурака. Я знаю, что ты любишь его, я вижу это. Я – не твои родители, склонные замечать во всем разврат! Послушай, в этом нет ничего преступного. Хочешь – люби! Но, умоляю тебя, будь благоразумна.

– Обещаю, дедушка...

Вечером, после похорон, когда дневной свет иссяк, уступив власть очаровательному мраку ночи, ведущей за собой вечных спутников – серебряный серп луны, освещающий искрящийся снег, и алмазные звезды, усыпающие темно-синее небо, уподобляя его короне царицы, все семейство Усуровых собралось в зале. Явились все, кроме Анны, решившей остаться в своей спальне.

За широким столом сидел Николай Васильевич, нервно постукивающий пальцами по лакированной поверхности. Рядом, сложив руки на его плечах, стояла Мария Романовна, постоянно смотрящая на сестру – Ольга Романовну Марисову. К слову сказать, она была старше графини Усуровой на три года, двенадцать лет жила в Париже вместе с мужем –

генералом Фоливе, после смерти которого осталась совсем одна. Ольга Романовна была очень похожа на сестру: такие же глаза, нос, губы... Только цвет волос был более темный, немного пепельный, не искаженный сединой. Да и характер у Марисовой был намного спокойнее, чем у ее сестры. Правда, при этом, за долгие годы она сумела заработать репутацию весьма вольнодумной женщины. Сейчас же она сидела в кресле и, подперев голову, внимательно смотрела на пляску огня в камине. Искры пламени отражались в ее блестящем темно-сером платье, соответствующем последнему писку парижской моды.

На диване уставший от всей дневной суеты сидел Василий Иванович, облегченно запрокинув голову назад. Он прекрасно понимал, для чего его старший сын решил собрать всех, какой разговор предстояло пережить ему.

В зал вошел младший сын Василия Ивановича – Михаил Васильевич, уже года четыре как являющийся вдовцом. Светлые волосы младшего Усурова в полумраке вечера казались намного темнее, чем были на самом деле, светло-желтые глаза с зеленым отливом блестели в свете каминного огня, бледное лицо выражало лишь одно – недоумение... он не понимал, по какому поводу его брат решил собрать всех.

Недовольно поправив рукав темного пиджака, мужчина сел за стол, рядом с Николаем Васильевичем.

– Что заставило вас, дорогой брат, отвлечь нас от обыденных дел?

– У вас были дела? – надменно спросил Николай Васильевич. – Небось, опять вы, любезный Михаил Васильевич, засиживались перед своими дурацкими книжками по... медицине. Так кажется?

– Не все ли вам равно? – мужчина окинул брата бессмысленно-философским взглядом, намекнув на свое интеллектуальное превосходство. – Вам бы стоило прочесть хоть одну книгу о науке, хоть немного поинтересоваться будущим!

– Так вы видите будущее в неясных предположениях ученых, этих высокомерных зазнаек, каковым сами отчасти являетесь? – злобно произнес Николай Васильевич.

– Я вижу будущее, в первую очередь, в бесконечных возможностях человека открывать что-то новое, интересное! – вспыхнул Михаил Васильевич, заметно повысив голос. – Вам бы тоже не помешало изучить что-то новое о воспитании детей... Быть может, тогда Анна и не позволяла бы себе подобные вольности, если бы вы правильно воспитали ее!

– А что вас не устраивает в ее воспитании? – вмешалась Ольга Романовна, недовольно вскочив с кресла.

– Слишком уж она дерзко ведет себя в обществе. – Пояснил Михаил Васильевич. – Эти ее действия... эта походка, приковывающая взгляд к, скажем так, не самой приличной части силуэта... этот самоуверенный тон, скрытый под ангельским голосом... эти ее слишком откровенные наряды... – он замолчал, на какой-то момент всем показалось, что в его высказываниях таилась симпатия или даже... некое одобрение поведения девушки.

– Вы считаете это преступлением? – смеясь, спросила Ольга Романовна.

– А чем же еще? – послышался голос вошедшей в зал Натальи Михайловны Кезетовой.

Это была женщина двадцати пяти лет высокая до безумия тощая, настолько, что невооруженным глазом можно было разглядеть кости, буквально торчащие из слабых рук, выпирающие вены на шее и запястьях, впалые щеки, выструганный нос, большие круглые карие глаза и тонкие изогнутые брови. Можно было подумать, что под ее темно-зеленым платьем не было ничего, кроме кожи и костей. Будучи дочерью Михаила Васильевича, она не особо была на него похожа, скорее на покойную мать, которой была обязана своим

телосложением. Редкие ее светло-русые волосы небрежно торчали из сложной прически, добавляя образу женщины некую растрепанность. Для матери четверых детей она выглядела слишком строгой, слишком злой.

Украдкой взглянув на всех присутствующих, Наталья Михайловна самодовольно опустилась на стул, возле Ольги Романовны.

– Что ж вы все замолчали? – именно ее голос, этой неприятной женщины, прорезал тишину. – Давайте продолжим обсуждать мою милую кухню. Итак, что вы там говорили? Ах, да... конечно, Анечка и Лагардов... Я думаю, это ни к чему хорошему не приведет!

– Она просто случайно коснулась его... пару раз. – заступилась Татьяна Романовна. – Что в этом такого?

– Ну, да, конечно... случайно! – всплеснула руками Наталья Михайловна. – Благодетель наш Александр Леонидович, супруг любимой всеми Анастасии, вдруг начал присматриваться к Анечке, которая, смею заметить, уже обещана. Действительно, что же здесь такого?

– Вы сначала со своим мужем разберитесь, дорогуша, а потом уже чужого осуждайте! – довольно справедливо заметила Ольга Романовна. – Кстати, где он? Опять свои адвокатские бумажки разбирает?

От такого нахальства Кезетовой захотелось накинуться на Марисову и задушить ее, но всех отвлекло появление еще одного родственника.

– Ваши парижские нравы, не особо ясны нам – петербуржцам!

Последним в зал вошел молодой человек лет девятнадцати. Невысокий темноволосый юноша тут же привлек к себе внимание, высказав сие решительное мнение. Он остановился у входа, упершись плечом в дверной косяк и вызывающе посмотрев на всех. Его задиристое лицо, воистину достойное высокомерного характера, тут же осветилось каминным огнем. Близко посаженные глаза темно-синего цвета в полумраке казались темными, почти черными, а короткий нос с немного задраным вверх кончиком выглядел крайне нелепо при слабом освещении.

– Сын мой, вы тоже решили присоединиться к нашей беседе? – обратился к нему Михаил Васильевич.

– Я тоже имею право, как любой член этой семьи, участвовать в обсуждении поведения моей от рук отбившейся кухни. – Юноша тут же взглянул на Ольгу Романовну, ожидая ее реакции.

Марисова не заставила его долго ждать. От возмущения ее щеки покрылись красным румянцем негодования.

– Дорогой Павел, – перебила его Мария Романовна, ни с того ни с сего решившая вступить за дочь, – вам не кажется, что вы слишком резко отзываетесь об Анне?

– Во-первых, Павел Михайлович, попрошу, любезная тетушка, а во-вторых, я просто говорю то, что думаю.

На некоторое время наступила тишина в зале, коснувшаяся своим беззвучным эхом каждого присутствующего. Но это было только временное затишье. Родственники оценивающе взирали друг на друга, словно стараясь предугадать дальнейшие действия находившегося рядом близкого. В следующее мгновение каждый начал что-то невнятно и громко доказывать другому, размахивая руками и стараясь объяснить свою точку зрения, касаясь произошедшего сегодня днем. Началась неразбериха. Один только Василий Иванович сидел на диване, подперев голову рукой, и с разочарованием глядел на ругающихся родственников, скачущих по залу подобно чертям из преисподней, и противно кричащих,

подобно голодным чайкам на берегу моря. Подождав пару минут в надежде на то, что все сами успокоятся, и не получив желаемого результата, старый граф с трудом поднялся с дивана. Ноги совсем отказывались удерживать его и могли вот-вот подкоситься. Боясь упасть, он оперся рукой на подлокотник дивана, встал, выпрямился и громко произнес:

– Прекратите все! Немедленно!

Ругающиеся родственники наконец-то умолкли, тут же устремив удивленные взгляды на старика. Довольно махнув головой, Василий Иванович продолжил уже более спокойным тоном:

– Что же вы делаете, семья? Вроде бы, не чужие друг другу люди, а грызетесь, как собачья свора... даже хуже! Прекратите. Отстаньте вы от Анечки уже, ради Бога, отстаньте! Ничего страшного не произошло, и прежде чем что-то говорить о ней, подумайте, не в вас ли причина? Всей семейкой искали ей жениха – нашли непонятно какого князя из Москвы, который даже не удостоил нас своего присутствия на похоронах моей супруги.

– Но... – попытался возразить Николай Васильевич.

– Никаких «но»! – Твердо ответил старый граф. – У нас уже есть один такой господин, который только по редким праздникам проводит с нами время. Не так ли, внученька моя Наталья Михайловна?

Кезетова опустила голову в пол.

– Поэтому говорю вам, прекращайте эти ссоры. В конце концов, я еще не давал своего благословения на брак Анечки и вашего Хаалицкого. И если князь посмеет так и впредь отнестись к нашей семье, то о свадьбе он может и вовсе забыть! А сейчас расходитесь. Немедленно!

Никто не посмел возразить графу. Все, недовольно переглянувшись, начали расходиться.

В этот момент в поместье статского советника единственным, кого не коснулся сегодняшний инцидент был маленький Алеша. Об этом уже успели узнать и слуги, и соседи – все обсуждали роман Лагардова с очаровательной свояченицей. Удивляться тут, правда, было нечему – люди, не замечая своих грехов, всегда готовы быть судьями для тех, чьи поступки вызывают отклик в их сознании в виде различных, как правило, злых чувств: зависть, ненависть, ярость и разочарование. Нельзя точно сказать, какие эмоции испытывали все, кто позволяли себе наговаривать на Александра Леонидовича, ибо их чувства в тот момент смешивались в один смердящий комок людской злобы. Они не замечали, как это могло выглядеть со стороны, насколько низко и подло! Люди никогда не пытались осуждать ни кого-то, а именно себя, не пытаются, и пытаться не станут.

Боявшаяся этих слухов, начало которым было уже положено, Анастасия Николаевна нервно расхаживала по комнате, бесшумно следуя от окна к двери и обратно. Ее пугала перспектива стать предметом насмешек со стороны двора, она, безусловно, боялась заслужить репутацию униженной женщины, не сумевшей удержать супруга. Ей хотелось биться в истерике, рыдать, рвать и метать. Но разве это могло бы что-то изменить? При всем желании, это бы ей точно не помогло.

В комнату вошел Лагардов, женщина, казалось, не заметила его присутствия, продолжив стоять возле окна и смотреть на черное ночное небо. Как ей сейчас хотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть из этой спальни, и больше никогда сюда не возвращаться. Она почему-то не хотела оборачиваться, ощущая при этом присутствие мужа. Анастасия Николаевна просто не знала, что ему сказать: осудить и обвинить в измене – так причина

для этого была слишком незначительной, промолчать – так можно было вызвать недовольство с его стороны. Что бы она ни сделала – все равно бы ошиблась. Ночного скандала было не избежать.

– Анастасия Николаевна, – обратился к ней Лагардов, – я понимаю ваше негодование, но прошу вас ради сына не устраивать сцен.

– Не устраивать сцен? – ее голос прозвучал слишком монотонно, слово она сама осознавала бессмысленность предстоящего разговора. – Вы просите ради *нашего* сына?

– Вы так это сказали, словно у меня есть еще один сын... – мужчина приблизился к жене, положив руки на ее плечи.

– А я уж не знаю, дорогой мой Александр Леонидович, сколько у вас детей! После сегодняшнего я уже ни в чем не уверена!

Ее голос дрожал, тело билось в мелкой дрожи, к глазам подступали слезы. Анастасия Николаевна дернулась, заставив супруга убрать руку. Она вновь начала расхаживать по комнате, не в силах разобраться в своих мыслях, не дающих сосредоточиться на одном вопросе: «Можно ли обвинить Лагардова?» В ней боролись два человека: любящая жена, готовая на все ради мужа, и ревнивая супруга, способная уничтожить мужчину за только один взгляд, брошенный в сторону привлекательной девушки. Анастасия Николаевна могла еще долго бродить, прикрывая лицо руками и с трудом сдерживая слезы, но какая-то слабость заставила ее остановиться, замерев на месте.

Статский советник сделал пару шагов к ней, затем тихо прошептал: «Я прошу вас соблюдать приличия и не начинать ссору!» Она усмехнулась, а потом и вовсе позволила безумному смеху охватить ее. В голове женщины никак не укладывалась фраза мужа. Это он просил ее соблюдать приличия? Человек, позволивший себе прилюдно сегодня обнимать молодую свояченицу?

Поняв, что Анастасия Николаевна находится на грани скандала, Лагардов пошатнулся, закрыл глаза и судорожно сглотнул. Когда он снова посмотрел на нее, то оказался в кольце её слабых тонких рук. Александр Леонидович несмело вдохнул запах её волос, слегка обняв. Какой безумный порыв заставил ее так поступить – он не знал, да и не хотел знать.

Они простояли так с несколько минут, пока Лагардов осторожно не оттолкнул супругу и не сел на кровать, ясно дав ей понять, что собирается лечь спать. Он снял пиджак и расстегнул рубашку, не отрывая от неё своих спокойных светло-серых глаз. Анастасия Николаевна не двигалась, смело, даже дерзко, удерживая его взгляд.

– Утром мне рано вставать, дорогая, давай спать, – спокойно сказал Александр Леонидович.

Она кивнула, но даже не легла в постель. Приподняв ночное платье, женщина присела на колени супруга, лицом к нему, медленно развела его руки в стороны своими и поцеловала его в щеку. Женщина потянулась к брюкам Лагардова. Пальцы нетерпеливо расстегивали пуговицы.

Перед глазами Александра Леонидовича все мелькал образ молоденькой демоницы. Пламя вмиг прильнуло к напряженной плоти, коснувшейся темной ткани. Так хотелось ощутить ее трепещущее под ласками юное тело, провести ладонью по плоскому животу, ворваться в нетронутое лоно. В горле пересохло, как только суховатые губы жены коснулись его твердого естества. Слишком коварно. Невыносимо. Желанно.

Он, толкнув Анастасию Николаевну, поднялся, застегивая пуговицы.

– Скажи, милый мой муж, ты желаешь ее? Да? – смело взглянув на него, произнесла

она. – Поэтому ты весь день сторонись меня, так?

Лагардов молчал. Женщина закусила губу. Молчание супруга тяготило ее. Тишина постепенно сковывала разум. Александр Леонидович только сейчас начал осознавать, какую ошибку он допустил, сразу же не опровергнув предположение жены, ведь Анастасия Николаевна была сторонницей той самой нелепой теории, гласившей, что молчание всегда является знаком согласия. Именно это могло быть причиной скандала, какового так боялся мужчина. Безумная улыбка, доселе касающаяся губ женщины, миг исчезла, уступив место сумасшедшему гневу. Она подбежала к шкафу схватила хрустальную шкатулку, которую Лагардов подарил ей в день свадьбы, и, занеся ее над головой, бросила на пол. Хрусталь тут же разлетелся на мелкие осколки, драгоценности, хранившиеся в этой искусно сделанной вещице, также со щемящим душу треском пали к ногам статского советника.

– Что ты творишь? – достаточно спокойно спросил Александр Леонидович, грозно взглянув на жену.

– А ты? Думаешь, я не видела, как ты смотрел на нее! Думаешь, я не замечала, как ты обнимал ее?

Женщина опять засмеялась, а затем, наступая босыми ногами на острый хрусталь, подошла к нему. Ее руки вцепились в воротник его белой рубашки, сжались в кулачки, будто желая разорвать ткань. Лагардов перехватил ее запястья, отодвинул их и направился к двери. Анастасия Николаевна, не замечая той ноющей боли, что вызывали крошечные осколки, застрявшие в коже ног, бросилась вслед за ним.

Резко захлопнувшаяся дверь прямо перед лицом, заставила ее остановиться. Тут послышался звук поворачивающегося в замочной скважине ключа.

– Так вы из меня теперь затворницу решили сделать! Да? – кричала она, смеясь и ударяя руками в дверь. – Анна все равно не будет вашей! Нет, не будет! Ее замуж выдадут...

Лагардов ничего не ответил. Он не хотел думать об том. Мужчина резко ощутил, как край его штанины дергала чья-то маленькая ручка. Он с опаской, словно земля вот-вот могла уйти из-под ног, посмотрел на Алешу, чьи глаза выражали непонимание и страх. Мальчик смотрел на отца, очевидно, надеясь узнать у него, почему мама так громко кричала. Александр Леонидович наклонился к ребенку и, аккуратно взяв его на руки, поцеловал в крошечный лобик.

– Папочка, милый мой папа, – тихо прошептал мальчишка, положив голову на плечо мужчины, – что такое с мамой? Почему вы ругаетесь?

– С чего ты взял? – как ни в чем не бывало, спросил Лагардов.

Он, не опуская ребенка, отошел вместе с ним от двери, за которой все еще слышались крики Анастасии Николаевны. Статский советник шел по темному коридору и продолжал нести Алешку, крепко обхватившего его шею слабенькими ручонками. Мальчик смотрел через плечо отца назад, не сводя глаз с двери, ставшей стеной между ним и мамой. Лагардов, казалось, чувствовал это и старался поскорее унести Алешу подальше от места, где ему не стоило находиться. Вскоре они повернули направо, и дверь исчезла из поля зрения ребенка, оставив его наедине с догадками о причине ссоры родителей.

Мужчина вошел в комнату мальчика, опустил того на кровать и присел рядом с ним. Несколько секунд он просто смотрел на Алешу, любуясь его лицом – мальчик вовсе не был похож на мать, скорее, он являлся копией отца. Тот же темный цвет волос, те же светлые глаза, по строению похожие на печальные, те же плоские губы – все это уподобляло ребенка папе, превращая его в маленькую копию.

Лагардов вздохнул – как же быстро пролетели пять лет! А ведь, как ему казалось, совсем недавно он качал на руках младенца, доверчиво смотревшего на него. Сегодня – перед ним на кровати сидел уже смекалистый, любопытный мальчишка. Он не верил, время не могло так быстро пролететь!

Как ему бы хотелось вновь стать отцом маленького беззащитного комочка счастья, лучезарно улыбающегося крошечным беззубым ротиком! Бесспорно, для него это была бы самая высокая награда. Как он мечтал снова получить возможность дарить кому-то свою любовь и заботу. Но, увы, этой мечте не суждено было сбыться... Анастасия Николаевна не могла больше иметь детей.

Статский советник прекрасно знал это и боялся осознать, что у них больше никогда не будет еще одного ребенка. Мысль о дальнейшей жизни без детей резко ударила под дых, зацемив и без того ослабевшее сердце мужчины. Он слишком много пережил: от тридцати семи дуэлей до сегодняшнего дня, ставшего еще одной каплей яда.

– Алеша, давай ложиться спать.

Лагардов еще раз поцеловал мальчика в лоб, затем встал, потушил свечу возле постели и ушел. Мальчишка уткнулся носиком в подушку, печально вздохнул и постарался заснуть, а заодно – и забыть о ссоре родителей.

Когда голос Анастасии Николаевны перестал слышаться за дверью, Александр Леонидович ушел в свой кабинет, не желая больше находиться в одной спальне с женщиной, по его мнению, постепенно сходящей с ума.

Глава 4. Тайна для двоих

Ту ночь можно было смело назвать самой ужасной в жизни четы Лагардовых. Впервые за шесть лет счастливого брака супруги спали отдельно: Анастасия Николаевна осталась в спальне, а Александр Леонидович – в своем кабинете. Впервые за долгие годы они заснули, шепча проклятия в адрес друг друга. В своих снах, безусловно, оба переживали тяжелые страдания, с ужасом осознавая, что так просто все не закончится.

Как только лучи утреннего солнца начали касаться диванчика в кабинете статского советника, косо падать на его лицо, он тут же неохотно проснулся, с трудом разомкнув глаза. Последствия бессонницы давали о себе знать. Мужчина не сразу осознал, что именно он тут делал, почему проснулся в кабинете, а не в спальне с женой. Затем воспоминания прошлой ночи накрыли его ужасной волной паники – Анастасия Николаевна на самом деле приревновала его к Анне, это был не сон. Разум возродил образ девушки, столь юной, прекрасной и желанной. На какой-то момент он был готов согласиться с обвинениями супруги. В памяти воскрес ее вопрос: милый мой муж, ты желаешь ее? Она так нежно обратилась к нему, таким приятным голосом, наполненным мелодией любви, и одновременно бросила прямо в лицо ему такое жестокое обвинение. Как подло – спрашивать о том, что тебе и так известно! Александр Леонидович ощущал себя загнанной в угол мышкой, человеком, поставленным перед выбором между лицемерием и презрением. Ведь если бы он сказал «да», то Анастасия Николаевна возненавидела бы и его, и сестру, а скажи он «нет» – она бы все равно не поверила и посчитала бы его ничтожеством, не способным признаться в собственном преступлении.

А какое преступление он совершил? Заговорил с Анной, постарался успокоить ее, когда она нуждалась в этом? Можно ли такие действия причислить к преступлению? Безусловно, нет. Так все и было, если бы не его взгляд, прицепившийся к девушке, и мимолетная мысль о близости с ней. Вот оно – его преступление! Александр Леонидович на самом деле желал Анну, только боялся поверить в это. Супруга же просто точно угадала его мысли, поэтому и обвинила.

Резко поднявшись с дивана, Лагардов сразу же пожалел об этом – голова закружилась, виски безумно сдавило. Он слабо опустил обратно, закрыв горевшее от усталости лицо руками. За всю ночь ему так и не удалось нормально уснуть, его постоянно беспокоили то мысли о красавице-свояченице, то воспоминания о прежней жизни с женой, то переживания о сыне, который был вынужден стать свидетелем родительской ссоры. О, бедный Алешенька!.. Несчастный ребенок... Как он-то справится с этим, как будет относиться к отцу, когда узнает причину его ссоры с матерью? Одно статский советник знал наверняка – он обязан любой ценой оградить мальчика от этой информации, не дать ему узнать о том, какие пошлости вертелись в мыслях его папы.

Решив, что пора уже собираться на службу, Александр Леонидович направился в спальню. На данный момент он преследовал только одну цель – поскорее одеться и покинуть дом, оставив жену на попечение собственных идей. Мужчина тихо шагал по коридору, залитом дневным светом, впервые за столько дней ярким, словно игра летнего солнца. Он боялся, что кто-то из слуг услышит его, или того хуже – Алеша проснется и прибежит расспрашивать о том, любит ли он маму или нет. Как же Лагардов не любил этот надоедливый вопрос, который свойственно задавать всем детям без исключения. Особенно

сейчас он не хотел даже слышать столь глупое слово «любовь», ибо не мог и не хотел больше кого-то любить... никого, кроме Анны. И то, статский советник еще не до конца определился: любовь ли он чувствует к этой девчонке, или несколько другое чувство, более развратное и сильное.

Он остановился перед дверью в спальню и, затаив дыхание, вставил ключ в замочную скважину, повернул его пару раз и слегка надавил на ручку. Лагардов мысленно молился, чтобы только Анастасия Николаевна спала и не вздумала проснуться в момент его нахождения в доме. Он не хотел встретиться с ней взглядом, а уж тем более заговорить... точно бы не смог. После вчерашнего ни один мужчина бы не решился сразу что-то объяснять супруге. К его счастью, женщина спала; ее тело было наполовину накрыто бежевым одеялом, светлые волосы – беспорядочно разбросаны по белой подушке, а дыхание оставалось спокойным. Александр Леонидович невольно вздрогнул, вспомнив, как прежде просыпался рядом с ней, обнимал и целовал в щеку. Это было раньше. Сейчас же он бесшумно подкрался к шкафу с одеждой и начал собираться на службу.

Руки почему-то не слушались его, дрожали и медлили, застегивая каждую пуговицу белоснежной рубашки. Лагардов, не смотря на это, не ощущал особой тревоги, просто какая-то неуловимая мысль не давала ему покоя. Он схватил черный галстук, но тут же выронил его, обратив внимание на постель – глаза Анастасии Николаевны, словно были открыты и смотрели на него из-под прозрачной преграды светлых волос. Паника охватила мужчину, заставив тихо приблизиться к кровати. Он остановился возле жены и аккуратно поправил локон, закрывающий ее глаза. Тревожное ощущение где-то в груди, надежда, что она все-таки спала – вот, что правило им в тот момент. Александр Леонидович взглянул на ее лицо – глаза были закрыты.

«Показалось... – облегченно вздохнув, подумал он. – Всего-то показалось...»

Статский советник отошел обратно к шкафу, затем посмотрел на пол, и дежавю холодом пробежало по его спине. Осколки хрусталя так и валялись на персидском ковре. Только сейчас он обратил внимание на более пугающую деталь – свежие капли крови, смешанные с уже запекшимися. Неприятное подозрение закралось в его мысли. Мужчина опустился на ковер, проведя ладонью по красным пятнам – на самом деле, кровь была свежей.

«Не могла ж она!.. – пронеслось в его голове»

Кинувшись к кровати, Лагардов увидел, что белая простыня тоже запечатлела на себе жуткие следы слабости. Она могла, она сделала это. Ком подступил к горлу, не помешав Александру Леонидовичу закричать:

– Доктора, срочно доктора!

На крик тут же сбежались слуги; кто-то набрался смелости и бросился за врачом, остальные лишь продолжили с недоумением смотреть на господина, крепко сжимавшего окровавленную руку супруги. Они лишь слабо догадывались о причинах сего жуткого поступка мадам Лагардовой. Но могли ли только представить истинный предлог риска? Кто-то из слуг спросил: а когда же Анастасия Николаевна успела изрезать вены, если муж спал с ней? Этот вопрос долетел до ушей самого статского советника. Он безнадежно опустил голову на подушку возле головы супруги, стараясь сдержать эмоции, одна за другой ударяющие ножом в его сердце. С одной стороны – он искренне хотел плакать, ибо нуждался в Анастасии Николаевне, как и Алеша, в ее нежности, вере, любви и заботе, а с другой – какая-то дьявольская радость цепляла его. Ведь если ему суждено было остаться вдовцом, то на полном основании он бы смог просить руки Анны. Эта мысль примкнула к нему

и не желала отпускать.

– Папа! – послышался в дверях детский голос.

Лагардов нервно обернулся. Среди слуг показался маленький Алеша, одетый еще в ночную рубаху. Ребенок стоял возле стены, крошечные ручки его были опущены, во взгляде застыл немой вопрос. Только не это, статский советник так надеялся, что мальчик не увидит произошедшего!

Алеша подбежал к отцу, обхватив его шею ручонками и прижавшись маленьким носиком к родному плечу. Мужчина, казалось, не осознавал, что происходило вокруг: с прислугой, с мальчишкой, да и с ним самим. Его беспокоило только одно – можно ли еще как-то помочь Анастасии Николаевне, есть ли хоть единственная возможность вдохнуть жизнь в ее слабое тело. Жестом приказав всем слугам выйти, Александр Леонидович позволил себе приобнять сына, погладить его по голове и прошептать:

– Все хорошо, мальчик мой... – он сам не верил в то, что говорил. – Все будет хорошо...

Наладив присмотр врача и слуг за чудом выжившей женой, Лагардов отправился на службу. Весь оставшийся день его не покидало предчувствие, что неприятности на сегодня не закончились. Он сидел за столом и привычно разбирал обращения в министерство, надеясь забыть хоть на несколько минут о семье. Вот то, что было его проклятьем все долгие шесть лет! Семья. Именно после брака он утратил прежнюю свободу, возможность каждый день встречаться с хорошенькими девицами, имея только одно намерение – совершить грех, который так осуждала церковь. Да, ему нравилось с каждым днем приближаться к бездне, все больше ощущая ее жар. После женитьбы Александр Леонидович лишился этой возможности. Будучи семьянином, он не имел никакого права развлекаться в окружении легкомысленных девиц. Но могли статский советник кого-то обвинять в этом, если сам добровольно попросил руки Анастасии Николаевны? Нет. Да и после свадьбы он не встречал никого, кто мог бы так зацепить его, как старшая дочь Усурова. До той встречи в саду не встречал...

Тут в дверь кабинета постучали. Лагардов ошеломленно подпрыгнул и внимательно взглянул на вход. Он никого не ожидал сегодня видеть, и тем более не хотел с кем-то разговаривать. Тем не менее, дверь открылась, и без стука в нее вошел коллега Александра Леонидовича, надворный советник – Сергей Семенович Гравецкий. Это был светловолосый мужчина тридцати двух лет высокого роста, достаточно осанистый, но слишком худощавый. Лицо его, ничем не привлекавшее внимание, за исключением шрама под правым глазом, выражало постоянную неуверенность то ли в своих поступках, то ли в происходящем вокруг. Внешне он ничем не отличался от остальных мужчин своего века: темно-карие бегающие глаза, короткий нос с небольшой горбинкой, сильно впалые щеки, незаметные губы и острый подбородок. Гравецкий, приблизившись к окну и постаравшись отдернуть темно-зеленые шторы, дабы впустить хоть немного солнечного света, произнес:

– У вас здесь, однако же, мрачно, друг мой!

– Нет, – Лагардов схватил его за руку, – прошу, оставьте так...

– Как вам угодно. – Сергей Семенович отошел и сел напротив друга. – Вас что-то тревожит?

Александр Леонидович окинул его снисходительным взглядом и опять уткнулся в документы. Надворный советник продолжил изучать кабинет, который, действительно, выглядел слишком мрачно: темно-коричневые стены в полумраке казались черными, темно-

зеленый диван, идеально сочетавшийся со шторами, был украшен одним слабым солнечным лучом, проскользнувшим между шелковой тканью, стол из дорогого дерева и все письменные принадлежности на нем, освещались новой настольной лампой. На определенный момент Сергею Семеновичу показалось, что статский советник не различал, какое сейчас было время суток: день или ночь. Мужчина просто с головой был погружен в свои, не известные гостю дела.

– И все же я осмелюсь еще раз спросить у вас, что происходит? – сказал Гравецкий, позволив себе вырвать из рук друга металлическое перо.

Статский советник угрожающе посмотрел на него, как умирающий от скуки человек, у которого не оставалось другого занятия. Холодные светло-голубые глаза медленно прожигали Сергея Семеновича, заставляя сомневаться в правильности сего поступка. На пару мгновений он подумал, что перед ним сидит сумасшедший мужчина, готовый на все, только бы его оставили в покое. Неожиданно поднявшись с кресла, Лагардов приблизился к окну, схватился рукой за штору, сжал в кулак тонкую ткань и резко дернул ее в сторону. День забрезжил, и его лучи пали на лицо гостя. Александр Леонидович обошел стол и, слегка коснувшись плеча надворного советника, сделал то же самое со второй шторой. Свет мгновенно залил кабинет.

– Теперь вы довольны? – прислонившись щекой к холодному стеклу, произнес статский советник.

– Да что с вами, граф, в конце концов, происходит? – возмутился Гравецкий.

– Со мной... – бархатный голос его собеседника эхом пронесся по кабинету. – Со мной ничего, а вот с Анастасией Николаевной...

Сергей Семенович побледнел, губа его предательски задрожала. Это заметил Лагардов. Доселе смотревший в окно с пустотой в очаровательных светлых глазах он впервые обратил внимание на собеседника. Отстранившись от запотевшего из-за теплого дыхания стекла, граф позволил себе вернуться на прежнее свое место, скрестить руки на груди и с интересом посмотреть на коллегу.

– Простите, Александр Леонидович, – проговорил надворный советник, – что именно случилось с Анастасией Николаевной?

– А не все ли вам равно? – ответил вопросом на вопрос он.

– Мне как человеку, имеющему ученую степень доктора интересно. С ней сейчас все хорошо? – продолжил Гравецкий.

– С чего вы, милостивый господин, – недоверчиво посмотрел на него статский советник, – решили, что я вам сообщу ее состояние?

– Простите... Понимаю, иногда я лезу не в свои дела. Но знайте, Александр Леонидович, вы всегда можете довериться мне!

Похоже, графа тронули эти слова. Он застыл на мгновение, словно кто-то ударил его по голове. Руки его заскользили и упали на стол, сильно ударившись о твердую деревянную поверхность. Но боли этой Лагардов не почувствовал, он был занят только одним раздумьем – можно ли действительно рассказать этому человеку правду или нет. Может ли он вообще кому-то говорить о том, что произошло с Анастасией и почему. Безусловно, статский советник боялся, что сие признание его может постепенно разнестись по всему Санкт-Петербургу, и, соответственно, об этом узнает все высшее общество, все начнут осуждать его, супругу и самое ужасное – Анну. Увы, тогда честь этой молодой девушки будет погублена коварными сплетнями и пересудами. А этого допустить Александр Леонидович

не мог.

– Вы можете мне довериться... – повторно произнес Сергей Семенович.

Сомнение коснулось разума мужчины, когда он заметил, как недобро заблестели глаза друга. Какое-то подозрительное чрезмерное любопытство исходило от этого человека. Это настораживало Лагардова, заставляя его придумывать предлоги, под которыми можно спровадить нежеланного гостя. Он до сих пор, в течение шести лет не мог понять, почему Гравецкий так искал именно его дружбы, так часто старался находиться именно в его окружении. Чего от него мог хотеть этот человек, с какой целью надеялся предложить свою помощь – эти вопросы не давали покоя ему, заставляя с опаской относиться ко всем разговорам с Сергеем Семеновичем.

– Вы так смотрите на меня, будто я преступник! – обиженным тоном проговорил надворный советник.

Он коснулся рук своего коллеги, его взгляд выразил только одно – «Мне можно верить, и вы обязаны делать это!». Александр Леонидович еще сомневался, но желание выговориться кому-то, поделиться своей проблемой просто не давало покоя его душе. За столько лет службы он научился разбираться в людях, различая лицемеров, эгоистов и предателей, но Гравецкий был для него фигурой неоднозначной, отчасти совмещающей в себе все эти качества. А с другой стороны – этот человек вызывал у него какое-то необъяснимое доверие. Тяжело вздохнув, Лагардов произнес:

– Надеюсь, все, сказанное в этом кабинете, не выйдет за его пределы? – собеседник в ответ кивнул. – Вчера на похоронах мне довелось встретить одно прелестнейшее создание, ангела! Уверяю, в красоте с ней не смогла бы сравниться сама Афродита! Это божественное творение...

– Она известна в свете? – перебил его надворный советник.

– А? Нет, нет... – покачал головой Александр Леонидович. Голос звучал так тихо, так холодно. Не Гравецкому он рассказывал это. Нет. Стенам: они бы лучше поняли его. – Она совсем недавно приехала из Парижа. Но как забавно: по происхождению она – русская, а кроме знания языка, в ней ничего русского нет! Но, однако ж, знали бы вы, как она великолепна...

– Не губите, друг мой, назовите же ее! – спокойно попросил Сергей Семенович.

Лагардов сбился и внимательно посмотрел на собеседника – глаза того горели подозрительным, неприятным любопытством. Статский советник задумался, ибо не хотел, чтобы кто-то знал имя предмета его страстей. Во-первых, он считал, что этим унижит ее, а, во-вторых, он слишком сильно любил ее, чтобы позволить еще чьим-то недостойным устам произнести божественное имя «Анна». Александр Леонидович встал, торопливо отошел к вешалке и сунул руку в карман пальто. Гравецкий, внимательно наблюдавший за ним, заметил, как в руках коллеги заблестели золотые круглые часы на короткой цепочке, с затершейся аббревиатурой «А.Л.» На часах было ровно семь вечера.

– Так вы назовете ее имя? – тонкий, немного неприятный голос надворного советника отвлек Александра Леонидовича.

Мужчина, внимательно всматривающийся в циферблат и провожавший взглядом секундную стрелку, тут же опомнился. Его рука даже не дрогнула, выражение лица осталось сосредоточенным и спокойным, хотя было очевидно, коллега ожидал другой реакции от собеседника. Лагардов, привыкший всегда контролировать свои эмоции, совсем не собирался исповедоваться ему в совершенных и несовершенных грехах. Статский

советник вернул часы обратно в карман, а затем подошел к столу, остановился возле Сергея Семеновича и твердым, несколько грубым тоном произнес:

– Вам это столь важно? – он интонационно выделял каждое слово, из-за чего его речь казалась несколько пугающей. – Вы же прекрасно знаете, что я не скажу вам ее имени. Ни один честный человек не позволит себе упомянуть в подобном разговоре имя прекрасного любимого ангела. Чего вы тогда от меня ожидаете?

– Вы назвали ее любимой? А как же Анастасия Николаевна?

Этот придирчивый вопрос Гравецкого застал графа врасплох. Его очень раздражало такое волнение касаясь госпожи Лагардовой. Сначала Сергей Семенович интересовался ее здоровьем, а теперь еще и ролью в его жизни. Александру Леонидовичу казалось, что это уже слишком нагло и бесцеремонно – лезть не только не в свое дело, но и не в свою личную жизнь.

– Анастасия Николаевна... – как в бреду прошептал статский советник. – Анастасия Николаевна ничего не должна об этом знать. Хотя я же все равно знаю, что вы побежите рассказывать ей. Что ж... дерзайте. Только прошу вас выбирать в процессе вашего «увлекательного» монолога скромные и мягкие термины.

– Вы... да вы...

Гравецкий не мог подобрать подходящего слова, чтобы максимально точно охарактеризовать и поступок, и характер графа. Да и мог ли он позволить себе что-то оскорбительное в адрес человека, по чину выше него? Бессильная внутренняя злоба закипала внутри надворного советника. Лицо его покраснело от возмущения, губа задрожала, на лбу выступил пот.

Лагардов наклонился вперед и, опираясь руками на стол, посмотрел прямо на собеседника. От холодного пронзительного взгляда статского советника Сергей Семенович опешил, правый глаз его нервно задергался, словно под действием гипноза. «У вас не хватит смелости мне что-то сказать» – читалось в лице графа. За долгие годы службы в министерстве, он отлично научился разбираться в психологии надворного советника, просчитывать каждый его шаг, каждый вздох, каждую мысль.

– Я?.. – бархатным удивленным голосом спросил Александр Леонидович.

– Извините, – Гравецкий постарался отвести взгляд от статского советника, не в силах больше смотреть в чарующие светло-голубые глаза, скрывающие легкую насмешку.

– Нет, господин, – схватив и крепко сжав его плечо, проговорил Лагардов, – вы что-то хотели сказать обо мне. Прошу вас, продолжайте!

Надворный советник не посмел и пискнуть от боли, когда тощие пальцы графа вонзились в ткань его пиджака. Сейчас он мысленно проклинал себя за несдержанность и прямолинейность, вызвавшую столько внимания со стороны ненавистного коллеги. Странно, ведь Сергей Семенович был человеком без дворянского звания, а должность в министерстве получил только благодаря ученой степени доктора. Соответственно, он просто не мог перечить статскому советнику, и уж тем более упрекать его в чем-либо. Поэтому Гравецкий был вынужден молчать и извиняться перед графом, надеясь на его безразличие.

– Вы будите говорить сегодня?

Александр Леонидович довольствовался возможностью поставить на место этого напыщенного коллегу, посчитавшего себя Богом, который может судить других людей. В кабинете царила тишина – не известно было, кто первым нарушит молчание. Светлые лучи

солнца по-прежнему заливали кабинет своим сиянием. Лагардов прекрасно понимал, что уже полчаса как должен был быть дома, но особые причины заставляли его находиться в министерстве до сих пор.

Первая причина возникла совсем недавно, минут двадцать назад, это был Сергей Семенович, дерзость которого раздражала статского советника, и сама честь, и сама гордость требовали унижить этого человека, растоптать его, обратить в пыль. А это было, если не самым, то одним из самых интересных занятий для графа.

Вторая причина заключалась в полном нежелании чиновника возвращаться домой, в обитель семейной ссоры, туда, где только сегодня утром его собственная супруга пыталась покончить жизнь самоубийством. Если раньше его тянуло к жене, как будто магнитом, то отныне это чувство было безвозвратно утрачено. Все эмоции исчезли, погибли: страсть остыла, любовь притупилась... Осталась только обязанность быть заботливым мужем и отцом.

В этот момент, когда оставалось каких-то пара секунд, чтобы свести Гравецкого с ума, в дверь кабинета постучали. Александр Леонидович вздрогнул. Впервые за все время разговора с надворным советником он проявил слабость – смятение. Тот позволил себе ухмыльнуться и с вновь обретенным интересом во взгляде посмотреть на мужчину, который еще совсем недавно казался ему мучителем.

Через некоторое время дверь открылась, и на пороге предстала Анна Усурова. На ней была замечательная белая шубка, по длине доходившая ниже пояса, французское платье нежно-бежевого оттенка. Ее руки по привычке были спрятаны в светлую меховую муфту. Мужчины тут же обратили на нее внимание, особенно на обрамленное длинными рыжими волосами прекрасное личико, щечки которого порозовели от мороза. Она стояла в дверях, робко поглядывая на Александра Леонидовича и ожидая, когда же он заговорит.

– Анна Николаевна? – удивился статский советник, приближаясь к ней и помогая снять верхнюю одежду. – Какими судьбами, дорогая моя?

– Помните, я говорила, что хочу встретиться с вами и поговорить наедине? – ее нежный голос немного охрип от мороза и казался хрустальным. – У вас найдется время?

– Разумеется!

Он, повесив ее шубу, повернулся к Гравецкому:

– Сергей Семенович, на сегодня, я думаю, нам стоит закончить наш разговор.

Надворный советник, недовольно взглянув на коллегу, посмотрел на Анну. В его глазах промелькнул нешуточный интерес к девушке. Это не осталось незамеченным Лагардовым, который тут же представил себе мысли коллеги. Александр Леонидович понял – тот догадался, о ком говорил он несколько минут назад. Не было никаких сомнений в том, что надворный советник узнал в Анне Николаевне ту самую загадочную красавицу, о которой так воодушевленно говорил граф. Теперь над репутациями Лагардова и юной Усуровой нависла серьезная опасность. Теперь их чести, их судьбы и, соответственно, жизни зависели от благородства только одного человека, и вера в то, что у него хватит сил хранить эту тайну, постепенно таяла.

Тем не менее, в следующую секунду Гравецкий вышел из кабинета, оставив статского советника наедине с девушкой. Анна тут же кинулась к графу, упала перед ним на колени, еле сдерживая судорожные вздохи. Мужчина мог расслышать тихую молитву, срывающуюся с ее прекрасных уст. Он чувствовал себя человеком, способным управлять ею; человеком, ставшим для нее почти Богом. На несколько мгновений этот опьяняющий яд власти захватил

его разум, оставив только одну возможность – свысока любоваться поклонением прекрасной девы. Опомнившись, Александр Леонидович опустился на пол рядом с ней.

– Встаньте, Анна Николаевна, не стоит...

Голос его звучал достаточно твердо и убедительно, что, как не странно, не вразумило Усурову. Он постарался придержать ее за локоть и помочь подняться, но она ловко перехватила его руки и припала к ним губами, горячо шепча:

– Как не стоит? Еще как стоит! Я на одного вас молюсь, вы – святой, единственный человек, который против этого глупого брака!

– Анна Николаевна... – попытался вразумить ее статский советник.

– Вас Бог мне послал! Да, точно, Бог... никто иной! – твердила девушка, жадно целуя его руки.

Лагардов удивленно смотрел на рыжеволосую красавицу. Казалось, она сама додумывала эту легенду, этот миф. Наивная молодая и прекрасная – она могла позволить себе такую роскошь, а он, недолго думая, простил. Да, он бы позволил ей возносить его в ранг святого, уподобляя некоему ангелу-спасителю. Похоже, не было ничего, что Александр Леонидович не смог бы простить этому очаровательному юному созданию, так доверчиво смотревшему в его глаза. За одни только поцелуи, которыми Анна одаривала его ладони, статский советник мог бы разрешить ей все, что только пришло бы в голову. Если бы она пожелала медленно душить его – он даже не подумал бы сопротивляться. Если бы она только пожелала, чтобы он оставил ради нее службу, отказался от повышения – он бы послушно исполнил ее прихоть. Наверное, Александр Леонидович простил бы ей абсолютно все. Почти все...

Тут в его голову взбрела мысль о том, что было бы, если б девушка пожелала разлучить его с семьей, заставить его отказаться от жены и сына ради нее. Лагардов даже боялся предположить последствие такого желания. Он очень сильно любил свою семью и сына, и... Анастасию Николаевну? Возможно, в его сердце до сих пор не угас огонек симпатии к этой женщине, подарившей ему замечательного сынишку. Но даже, если он и испытывал что-то к ней – то только привязанность, ничто другое. В любовь Александр Леонидович не верил, в верность, увы, тоже... но что-то заставляло его уважать Анастасию Николаевну, что-то приковывало его к ней.

Он продолжал изумленными глазами прожигать красавицу, чьи поцелуи неясным образом постепенно переместились с его рук на шею. Горячее дыхание девушки легонько касалось его кожи, обжигая и отрезвляя.

– Анна Николаевна... – слабо прошептал статский советник, постаравшись придержать ее за талию и отстраниться. – Анна... Аня...

Это был не голос чиновника, это был голос отчаявшегося человека, молящего о пощаде. Она, словно сжалившись над ним, остановилась и посмотрела прямо в его глаза цвета осенней морской пены.

– Что вы так глядите на меня? Я умоляю вас, помогите мне!

Анна начала вновь припадать губами к его шее, лишь иногда позволяя себе отстраняться и всматриваться в завораживающие глаза мужчины. Руки ее настойчиво обхватили его широкую спину. Он не знал, как убедить ее подняться с пола, не представлял, как заставить перестать искушать его своими пылкими поцелуями и трепетными объятиями. Да и хотел ли этого?.. Девушка была так прекрасна, так беспомощна: ярко-зеленые глаза приобрели синеватый отлив и застыли в страстно-невинном выражении, пухленькие губки чуть-чуть

надувались, как только он пытался противостоять ее порывам, а ярко-рыжие волосы обрамляли очаровательное личико и скрывали чудесные щечки. Бежевое платье блестело и переливалось в лучах солнца, на вздымающуюся от вздохов грудь падали особенный, словно небесный свет.

– Прекрасное дитя, – бархатный баритон статского советника пронесся по кабинету, – умоляю тебя, поднимись с колен.

Она, на удивление, повиновалась ему. Оба встали с пола, Лагардов позволил себе придержать ее одной рукой за талию, другой – за локоть. Казалось, он боялся, что девушка вот-вот потеряет равновесие и упадет. Но, с другой стороны, он этого не боялся, а даже очень сильно желал. Одна мысль о возможности подхватить ее на руки сковывала тело статского советника мелкой дрожью.

Анна в этот момент, словно проснулась ото сна: ее глаза в смущении опустились и не посмели больше взглянуть на мужчину, щеки накрылись румянцем. Она изменилась. Приутихли те страстные порывы безрассудства, которые заставляли ее целовать Александра Леонидовича. Девушка погрузилась в свои мысли, явно связанные с неконтролируемым желанием. Лагардов улыбнулся, заметив это. Его голос вернул ее к реальности:

– Анна Николаевна, вы, вероятно, хотели поговорить о князе Евгении Аркадьевиче Хаалицком?

Эта фамилия разразилась тысячью самых болезненных ударов в сердце юной особы. Сколько ужасного она представляла себе при одной только мысли о браке с этим человеком: от первой встречи до последних дней жизни. Между этими событиями в ее воображении всплывал самый кошмарный для нее момент – первая брачная ночь. Анна не хотела даже думать о том, что кто-то, кроме Лагардова, посмеет прикоснуться к ней.

– Вам удалось узнать что-то о нем? – с надеждой посмотрела она на него.

– Признаю, у меня мало информации об этом молодом человеке, – граф задумался, – но...

– Не томите же, скажите все, что знаете о нем. – Перебила его Анна.

Александр Леонидович удивленно поднял бровь, когда ее руки вцепились в воротник его рубашки. Девушка в следующую секунду опомнилась и с досадой проговорила:

– Извините...

– Ничего, дорогая моя! – успокоил ее мужчина. – Итак, мне известно, что это молодой человек, если не ошибаюсь, двадцати одного года, приехал он в Санкт-Петербург сравнительно недавно из Москвы. Его отец – Аркадий Дмитриевич был достаточно порядочным дворянином, в юности служил в кавалерии. Мать его же происходила из помещичьей семьи Яровых и была на пятнадцать лет моложе супруга. Что касемо самого Евгения Аркадьевича, то могу сказать следующее: по словам людей, знающих его лично, это человек крайне двуличный – с одной стороны, он производит впечатление вполне приятного молодого человека, не обделенного любопытством, а с другой – является не особо разборчивым в науках и искусствах, не всегда может контролировать свои мысли. Порой имеет привычку дерзить тем, кому не следует...

Усурова опустила на диван, схватившись за голову, не зная, что дальше делать. Лагардов прекрасно понимал ее отчаяние и растерянность, поэтому присел рядом, позволив себе погладить девушку по голове. В следующее мгновение его ладонь ласково касалась ее макушки, а пальцы – путались в длинных волосах.

– Из этого я могу сделать вывод, что ваш жених долго не проживет. Кто-нибудь рано или

поздно вызовет его на дуэль за подобное поведение.

– Господи... – не отодвигаясь от него, проговорила Анна. – Боже, сделай так, чтобы это произошло до свадьбы!

Александр Леонидовч вздрогнул. Он даже представить не мог, что из уст столь прекрасного, неземного создания могла вырваться такая жестокая мольба. Статский советник боялся даже предположить, какие мысли посещали разум девушки, заставляя ее надеяться на подобные развития событий. Он не верил, что юная Усурова, будучи такой очаровательной, смела таить в своем сердце ненависть к кому-то. Мужчина наклонился к Анне Николаевне, слегка коснулся рукой ее подбородка, приподняв его и посмотрев прямо в налившиеся пустотой глаза. Странно... в них не было даже сожаления о сказанном, словно так все и должно было быть.

Тут Лагардов подумал, вдруг точно так же шесть лет назад думала о нем Анастасия Николаевна. А ведь такое вполне могло быть: даже за несколько недель до свадьбы невеста не испытывала к нему ни влюбленности, ни привязанности, ни интереса – ничего, что могло скрасить их семейную жизнь. Так же вела себя и Анна; она, подобно старшей сестре, не желала замужества. Только в отличие от нее, девушка не относилась к этому так равнодушно, ожидая дня венчания, она старалась любыми способами спасти себя от жизни с нелюбимым человеком. Ее даже не беспокоило мнение родных: ни отца, ни матери, ни еще кого-то – она хотела прожить молодость для себя, а не принести его в жертву родительским желаниям.

– Анна Николаевна, – прошептал Лагардов, продолжая изучать божественные черты ее личика, – почему вы так говорите? Я понимаю, вам всего лишь восемнадцать лет, по хорошему вашему отцу следовало подождать хоть год с этим браком, но, неужели, ваше хрупкое сердце способно вместить столько ненависти?

– Уверяю вас, Александр Леонидович, – отвечала она, – это не ненависть, это – безысходность!

Девушка не заметила, как ее глаза накрылись прозрачной пеленой слез, начавших торопливо скатываться с ее щек на шею, а затем – пропадать в кружевной ткани корсажа, скрывающей юную грудь. Ладони мужчины заскользили по лицу Анны, стирая слезы. Он больше не хотел следить за каждой из них, медленно спускаясь глазами вниз. Это была слишком жестокая пытка. Усурова улыбнулась, заметив его растерявшийся взгляд, покорно сложив руки ему на плечи.

– Поймите, я не могу допустить этого брака! – спокойным голосом произнесла она. – Не могу, ибо сердце мое, как ошибочно сочли вы, вмещающее в себе ненависть, питает и другое чувство к другому мужчине, без которого вся моя жизнь превратится в ад, в ужасную обитель бессмыслия! Без этого человека мне нет смысла жить... Я не смогу так жить...

Анна смотрела на него и надеялась, что он догадается, о ком она изволит так страстно говорить. В следующее мгновение их взгляды встретились: его светло-голубые глаза, глубина которых напоминала осколочки чистого льда, встретились с ее ярко-зелеными глазами, похожими на блеск самых дорогих изумрудов. Время, казалось, остановилось. Девушка была готова вечно смотреть на Лагардова, изучая благородные черты его лица, в особенности, придающие особый шарм резко очерченные скулы и длинный узкий нос. Ей хотелось придвинуться еще ближе к нему, дабы иметь возможность вдыхать дурманящий аромат одеколona и чувствовать на своем лице каждый вздох, способный сказать больше, чем слова. Она ожидала хоть чего-то от него, хотя бы маленькой, едва заменой улыбки. Надежды ее

сбылись – он тяжело вздохнул, и глаза его заблестели снисходительным огоньком. Он догадался.

– Я не смогу жить без вас... – наверное, девушка была готова повторять это сутками.

– Дитя! – его уста едва касались ее губ, словно не решались слиться с ними воедино. –

Прекрасное наивное дитя...

Анна впервые отвернулась от него, будто осознав, что еще пару секунд назад совершила ужасное преступление – посмела признаться женатому мужчине в своих чувствах, не задумавшись о возможных последствиях. Девушка только сейчас начала понимать, что если об этом ее признании узнает отец или того хуже – все петербургское общество, то несмываемый позор ей обеспечен. Паника пронеслась по ее телу мелкой дрожью, а затем тут же исчезла. Она почему-то была уверена в благородстве Лагардова, почему-то свято верила, что он не посмеет рассказать кому-либо об этом.

Хотя в этом Анна была права – ему не было смысла порочить ее репутацию по нескольким причинам: первая – он испытывал к ней некие чувства, не любовь, скорее, желание заботиться о ней, оберегать и... владеть ею? Да, он этого хотел, и вот, что можно было назвать первой причиной. Вторая же заключалась том, что если бы статский советник посмел кому-то что-то рассказать, то все семейство Усуровых, весь их род был бы обречен на вечные насмешки со стороны двора. Тогда бы честь семьи, о благополучии которой он столько лет заботился, была загублена. Ни первого, ни второго граф допустить не мог.

Тем не менее, Александр Леонидович позволил себе схватить девушку за талию и впиться поцелуем в ее алые губы. Он не мог устоять перед таким даже самым незначительным искушением, да и не хотел этого. Она сама пришла к нему, сама призналась, сама же искушала уже второй день. Крепко обнимая ее, Лагардов чувствовал, как под тонкой тканью корсажа бешено колотилось слепое девичье сердце. Ее нежные руки скользили по его спине, поглаживая темную ткань пиджака. Статский советник не хотел, чтобы эти мгновения заканчивались, но, как только в голову врезалась мысль об оставшихся дома жене и сыне, он отстранился от девушки, пробурчав:

– Нет, Анна, нет! Только не сейчас...

– Что с вами, Александр Леонидович? – тревожно спросила она, как только мужчина поднялся с дивана и начал собираться. – Куда вы?

– Милая моя Анна Николаевна... – остановился он возле девушки. – Любовь моя, у меня дома ваша сумасшедшая сестрица осталась. Я не могу оставлять ее одну с сыном. Не дай Бог она еще что-нибудь с собой сотворит, или с Алешкой!

– Подождите, – растерянно собиралась девушка, – что с ней? Почему она сумасшедшая?

– Анастасия Николаевна пыталась вчера покончить с собой, изрезав руки осколками хрустальной шкатулки.

Анна стояла, осматривая его округлившимися от удивления глазами. Не став больше что-то объяснять девушке, Лагардов быстро оделся и, подождав немного ее, вышел из кабинета и сказал:

– В моей карете поедите, Анна Николаевна? Если да – то я с превеликим удовольствием доведу вас до поместья.

Она закивала и проследовала за ним.

Добравшись домой, Лагардов тут же кинулся в спальню. Каждый его шаг был сдержанным, уверенным и сосредоточенным. С особой опаской он поднимался по лестнице,

будто боялся оступиться и свернуть шею. Он никогда не боялся смерти... до сегодняшнего дня. Теперь же что-то изменилось, какая-то тревожная мысль заставляла статского советника осознавать, что в случае его смерти ничего хорошего не произойдет: Анастасия Николаевна, возможно, и так не выживет, Алеша, соответственно, останется один на попечении Усуровых, чего он так боялся пожелать даже самому заклятому врагу, а самое страшное – Анну выдадут замуж за Хаалицкого. Тревога за судьбу сына и свояченицы порождала в его душе страх смерти.

Он неспешно прошёл в комнату. На постели лежала жена, очевидно, спящая, рядом сидел доктор, что-то смешивающий в небольшой пробирке. Александр Леонидович приблизился к кровати, бросив мимолетный взгляд на женщину – она была бледна и чем-то походила на мертвую. Руки ее от запястий почти до локтей были перевязаны бинтами, запечатлевшими на себе алые следы утреннего кошмара. Он коснулся ее правой ладони, та оказалась холодной. Казалось, Анастасия Николаевна медленно и мучительно умирала, если бы не одна невесомая деталь – ее дыхание, еще не оборвавшееся, как и тонкая нить ее жизни.

Статский советник повернулся к доктору, подсыпаящему в пробирку белый, немного желтоватый порошок. Доктором был мужчина лет сорока семи невысокий плотный с крутыми плечами и широкой спиной. Его волосы, когда-то еще светлые, были полностью отбелены сединой. Доктор что-то смешивал, полностью увлекшись этим занятием и не обращая внимания на Александра Леонидовича. В разуме графа заиграло всесильное любопытство, способное заставить человека пойти на все ради ответа на столь интересующую его загадку. Лагардов подошел к доктору, учтиво положил руку ему на плечо и спросил:

– Что это вы делаете?

– Я, ваше высочордие, смешиваю морфий, дабы избавить вашу супругу от болей в руках, на которых она так часто жалуется.

Упоминание слова «морфий», словно гром, поразило статского советника. Меньше всего он хотел, чтобы доктора смели отравлять кровь его жены столь медленно действующим ядом, способным годами губить и душу, и тело человека. Как бы сильно Александр Леонидович не был зол на нее за вчерашнее, как бы сильно не любил, но дать согласие на ее смерть он не мог. Граф был против того, чтобы неустойчивую после недавней ссоры психику Анастасии Николаевны уничтожали окончательно.

– Простите меня, конечно, но разве нельзя обойтись без морфия? – спокойно произнес Лагардов, отбирая у доктора шприц с набранным в него снотворным.

– Что вы делаете? – возмутился тот, приподнимаясь со стула и пытаясь забрать обратно шприц.

– Нет, что *вы* делаете? – твердо сказал граф, отходя к окну и выбрасывая из него снотворное.

– Я всего лишь старался помочь ей... – растерянно пролепетал доктор.

– Вы отравить ее пытались! – прорычал Александр Леонидович. – У вас был прежде опыт работы с этим препаратом?

Доктор утвердительно кивнул.

– Тогда вы обязаны знать, что происходит, если долго принимать его. – Продолжил статский советник. – Морфий, как вам должно быть известно, является алкалоидом опиума, который представляет собой один из самых сильных наркотиков. Вам известно о таком

недавнем явлении как опиумные войны в Китае? Нет? Позвольте напомнить, это был военный конфликт из-за желания Европы отравить всю Азию опиумом.

Доктор слушал графа, недовольно поглядывая на окно, из которого недавно был выброшен шприц с морфием.

– Я против использования опиума и прочих ему подобных средств, – Лагардов, не смотря на возмущение, кипевшее внутри него, говорил достаточно спокойно, – даже в медицинских целях. Поэтому я настоятельно попрошу вас не применять этот яд относительно моей супруги. Пусть лучше мучается от боли, чем смешивает свою кровь с морфием.

Доктор понимающе закивал головой и, собрав свой чемоданчик, попрощался до завтра со статским советником. Александр Леонидович обреченно опустил в кресло возле камина, запрокинул голову назад и закрыл глаза. Ему не хотелось даже думать о том, что могло произойти приди он на пару минут позже. Мужчина боялся осознать, что морфий мог оказаться в организме Анастасии Николаевны.

Александр Леонидович терпеть не мог даже малейшие упоминания о морфии, не говоря уже о его использовании. И он был безмерно рад, что не позволил отравить этим ядом свою супругу. Находясь в другой части комнаты, статский советник мог слышать тихие стоны спящей жены. Он знал – она стонала из-за боли, сковавшей руки. Но выхода у него не было, Лагардов хотел сохранить жизнь, здоровье и рассудок Анастасии Николаевны, а это можно было сделать только одним способом – не давать ей ни морфий, ни какое-либо другое обезболивающее.

Задумавшись, граф не заметил, как заснул в кресле.

Глава 5. Разделяй и властвуй

Как только Анна Николаевна вернулась в поместье Усуровых, сразу же была поймана своей тетушкой. Ольга Романовна с привычным ей любопытством подстерегала девушку, желая как можно больше узнать о результате ее встречи с Лагардовым. После десяти лет вдовства она не утратила достаточно обыденную для многих женщин способность – неподдельный интерес к чужой жизни. Даже шесть лет жизни с племянницей, имевшей совсем иные взгляды, не смогли изменить ее.

Ольга Романовна, шурша подолом темно-зеленого платья, кинулась к Анне. Торопливо она постаралась помочь девушке снять шубку, опасаясь, что кто-нибудь еще сможет их увидеть. Затем женщина молча взяла девушку за руку и повела на второй этаж, к себе в комнату. Она знала, это было единственное место в доме, где никто не смог бы услышать их разговора. Не удивленная поведением тетушки красавица послушно следовала за ней, продолжая думать о сестре и ее муже. Ее, безусловно, умиляла тревога Лагардова за Анастасию Николаевну, его рвение поскорее вернуться домой, дабы проверить, все ли в порядке с ней и сыном.

Девушка вспоминала, как еще несколько минут назад села в карету статского советника и доехала с ним до поместья.

– Скорее, скорее, милая моя Анна Николаевна! – поторапливал ее мужчина, подводя к карете.

Она старалась идти быстрее, но ноги, словно каменные, не слушались и еле волочились по земле. Какое-то неведомое злое желание заставляло ее тянуть время, задерживая Александра Леонидовича. Вдруг ей захотелось остановить его, не пустить домой, убедив остаться с ней. Для этого возле кареты девушка специально сделала вид, будто подвернула ногу, дернув статского советника за рукав и заставив его остановиться. Мужчина тут же подхватил ее на руки, боясь, что она окончательно потеряет равновесие и упадет. Он даже не хотел представлять, как нежная кожа столь хрупкого создания встретилась бы с землей, причинив боль не только ей, но и его душе. Казалось, Лагардов был готов почувствовать в любой момент даже самое крошечное ее страдание.

– Что с вами, дорогая моя? – неся ее на руках, прошептал он.

Анна Николаевна промолчала, только слегка прижалась губами к его щеке, прошептав с мягким французским акцентом «Благодарю!» Усадив ее в карету, Александр Леонидович осмотрелся по сторонам, устремил свой взгляд на здание министерства и постарался заглянуть в каждое окно. Он надеялся, что никто не увидел его с юной прекрасной незнакомкой, иначе по городу могли стремительно разлететься слухи о его новом романе. Так он простоял несколько минут. Убедившись, что никто не заметил произошедшего, статский советник сел в карету, устроившись возле ожидавшей его Анны Николаевны.

Только карета тронулась, девушка положила голову на плечо Лагардова. Он не посмел даже пошевелиться, вспомнив об оставшихся дома несчастной жене и сыне. Мысль о любящей семье мешала ему сделать шаг навстречу всепоглощающей страсти и хотя бы прикоснуться к юной Усуровой. Вот что было его кандалами, цепями, сковывающими руки – обязанность быть верным мужем и заботливым отцом. Он должен был быть таковым, но не мог! Статский советник не пытался хранить преданность семье ни на плотском уровне,

ни на духовном. Он не имел таковой возможности. Его разум рождал самые непристойные и сладострастные мысли относительно Анны Николаевны, а мысли, в свою очередь, превращались в картины, запечатлевшие истинный порок, способный в любое время воплотиться в жизнь. Александр Леонидович хоть и понимал, что даже так, представляя себя в постели с юной свояченицей, уже совершал более жестокое преступление, чем обычный разврат, но все равно не мог остановить себя.

В следующее мгновение рука девушки заскользила вверх по его колену. Мужчина, растерявшись, чуть не выронил из рук черную трость. Что он мог сделать, как противостоять? Это невинное создание само искушало его. Лагардова ничего не держало, кроме мерзкого образа жены, лежавшей на белоснежной постели с изрезанными в кровь руками. Он понимал, если она так поступила из-за незаметных минут его общения с Анной, то, узнав о его фантазиях и о происходящем в данный момент, могла вообще сойти с ума. Из-за чего же он не мог ей изменить сейчас, ведь, если бы Анастасия Николаевна умерла от горя, то и душа его, и тело обрели бы свободу, способность делать все, что только угодно. И те не мене, статский советник не собирался принимать рискованных действий ни в отношении Анастасии Николаевны, ни в отношении Анны. Почему? Ответ был прост – рано... пока еще рано.

– Почему вы так холодны ко мне, Александр Леонидович? – его отвлек ласковый голос девушки.

Только сейчас он заметил, что рука ее, доселе скользившая вверх, остановилась где-то посередине его бедра. Плоть требовала ее ласк. Пламя терзало чресла.

– Анна... – произнес Лагардов, посмотрев ей в лицо и встретившись с умоляющим взглядом.

– Поклянитесь, что ведете себя так не из-за моей семьи, не из-за Анастасии, а только из-за Алеши! Скажите, что и в самом деле вы соблюдаете верность только ради сына! – скоро сказала красавица. – Я отдаю вам сердце и хочу знать точно, что мои чувства взаимны.

Она быстро расстегнула пуговицы шубы, схватила его за руку и прижала ее к своей груди. Ошеломленный таким жестом граф хотел было тут же убрать ладонь, отстранившись подальше от столь сильного искушения, но передумал. Он замер, упоенно вслушиваясь в стук ее сердца, перебиваемый звоном каретных колес.

– Как ты прекрасна в этой наивности! – придвинувшись к ней, сказал статский советник. – Ты склонна верить клятвам... О, эти детские обещания, способные успокоить любого человека! Они ведь часто нарушаются, не только мной, не только мужчинами, не только женщинами – всеми людьми! Это проклятие человеческого рода! Все мы клянемся друг другу в чем-то, а затем забываем об этом и нарушаем...

– Все же клянитесь! – настаивала девушка, не отпуская его руки.

– Если тебе так угодно...

Мужчина сам не хотел отстраняться от Анны Николаевны. Наверное, в тот момент он был готов поклясться в чем угодно, только бы она продолжала искушать его. Лагардов сам, добровольно становился жертвой ее чар, как любой другой человек, готовый поддаться власти идеала.

– Я люблю вас! – томно проговорила она.

Он очаровательно ухмыльнулся, нежно коснулся ладонью ее щеки и произнес:

– Дитя, любви нет...

Эти слова мужчины до сих пор звенели в памяти девушки. Имел ли он тогда в виду конкретно любовь Анны, ставя под сомнения искренность ее чувств, любовь их, в существование которой мог не верить, или же любовь всех людей? Точного ответа на этот вопрос она не могла дать, ибо сама терялась в догадках, относительно этой фразы. Одно красавица знала точно – если он посмеет еще раз сказать это, ее сердце, отданное ему, просто не перенесет подобного во второй раз и разорвется на части.

Девушка отвлеклась от этих мыслей, когда Ольга Романовна остановилась возле своей комнаты, достав из кармашка платья трясущимися руками ключ и отворив дверь. Женщина казалась слишком настороженной, что не могло не бросаться в глаза. Анна вошла в комнату вслед за тетужкой, сразу же бросившейся запиравать дверь. Красавица отошла от нее и беспомощно опустилась на стул возле окна. Взгляд ее тут же наполнился печалью, из груди вырвался пустой вздох. Она не знала, как поступать дальше: губить жизнь сестры, отнимая у нее мужа, или отступить от этой затеи и смириться с браком. Нет, она не могла позволить Лагардову остаться с семьей. Слишком сильно девушка любила его, слишком сильно желала.

– Ну, Анечка, рассказывай. Как все прошло? – сказала Ольга Романовна, подойдя к ней.

Женщина встала за красавицей, собрала ее длинные рыжие волосы и начала заплетать их в одну аккуратную косу. Как ловко и бережно она укладывала огненные локоны племянницы, сколько заботы и любви было в ее движениях! Безусловно, Ольга Романовна за долгие шесть лет привязалась к Анне, начала относиться к ней, как к родной дочери, о которой так долго мечтала. Она с юности надеялась, что выйдя замуж, родит дочь, маленькую очаровательную девочку, ради которой сможет пойти на все. Но эти мечты разбились, как только ее в двадцать четыре года выдали за восьмидесятилетнего французского генерала. За двенадцать лет брака ее грезы так и не исполнились, судьба не подарила ей дочери, а тут через четыре года после смерти генерала к ней племянницу отправили, что, как известно, стало единственным утешением. Как после этого Ольга Романовна могла не любить ее?

Анна молчала, все больше погружаясь в печальные раздумья о возлюбленном. Ее не волновала тетужка, ожидавшая рассказа о разговоре со статским советником. Она только сейчас осознала, что может произойти, если кто-нибудь тогда заметил ее вместе с Лагардовым. Ужас проносился по телу, сердце бешено колотилось, ком из паники подступал к горлу и медленно душил. Как же менялось ее отношение к сплетням! Находясь рядом с Александром Леонидовичем, красавица забывала обо всем и не боялась слухов и суждений со стороны двора, а сейчас же, оставшись без него, стала осознавать, каким позором ей может грозить этот день. Ей хотелось биться в истерике, кричать, рыдать..., но тут же эти мысли сменились. Анна нашла способ себя успокоить: она вспомнила, что даже если весь высший свет отвергнет ее, то статский советник не сделает этого. Она надеялась, что он не оставит ее... всего лишь надеялась. Но могла ли твердо верить в это?

– Аня, – отвлекла ее Ольга Романовна, – что-то случилось?

– Я сделала все, как вы сказали, тетужка, – голос девушки дрожал и срывался, – он же только о семье беспокоится!

– Что именно ты хочешь сказать? – обеспокоенно спросила женщина, падая на колени перед ней.

Разум Анны опять возрождал слова Лагардова о том, что любви нет. Может быть, он так думал, потому что никого никогда не любил по-настоящему: ни Анастасию, ни Алешу, ни...

ее? Чистое девичье сердце, созданное не для страданий, а для любви, медленно сжималось от боли. Подобное, без сомнений, должно было произойти, и любовные мучения когда-нибудь добрались бы до юной Усуровой, но кто мог предположить, что предметом ее интересов станет муж ее собственной сестры? Но с другой стороны, боль – вот могло излечить ее от «слепоты», если бы только она одна была отравлена этим сладким ядом. Но слепых было двое: Анна, потому что не замечала никого, кроме него, и Александр Леонидович, потому что не видел, как был нужен ей. Одной суждено было погибнуть от светлого вихря чувств, другому – от мрачного хладнокровия.

– Анечка, – глядя ее по голове, проговорила Ольга Романовна, – все будет хорошо. Он, насколько мне известно, человек не без слабостей.

Девушка с надеждой в глазах посмотрел на нее. Она даже не догадывалась, о какой слабости Лагардова говорила ее тетушка. Да и хотела знать? Безусловно, имея представление о том, к чему равнодушен человек, можно с легкостью управлять им, как марионеткой. Анне же это было не нужно. Она была готова пойти на все ради возможности выйти замуж за статского советника, но пойти на манипуляцию было слишком, как ей казалось, подло. Это была слишком коварная и недостойная идея. Красавица хотела заполучить его, но не такой ценой.

– Нет, тетушка... – шептала она, задыхаясь от рыданий. – Я не хочу знать его слабости. Я не верю, что у него они есть... У Александра Леонидовича и сердца-то, наверное, нет.

– Почему так? – спросила женщина.

– Я не знаю, кого он вообще любит, кто ему дорог. – Пожала плечами девушка. Затем она разочарованно взглянула на тетю и отошла от нее, сложив руки на груди. – Анастасия вчера чуть не покончила с собой, а он – так спокойно об этом говорит! Алеша, наверняка, переживает из-за этого, а у него в глазах даже тревоги нет! И, тем не менее, он так спешит к ним, словно это что-то изменит...

Ох уж это противоречивое поведение мужчины, способное свести ее с ума! Теперь она жалела только об одном – о том, что шесть лет назад Лагардов явился просить руки Анастасии Николаевны. Анна не могла простить ему того дня, когда впервые увидела его – человека с демоническим блеском в глазах, очаровательной улыбкой, скованными, но в то же время грациозными действиями и так не нравящийся ей манерой говорить загадками. Вот – то, что очаровало ее: манеры, внешность, гордый нрав. Девушку тянуло к нему, безумно. Она не могла объяснить, почему, ведь что-то отталкивающее, бесовское было в статском советнике, какая-то черта, уподобляющая его исчадию ада. За это Анна любила его, из-за этого и убивала себя, медленно, безжалостно и бессмысленно...

В этот момент Михаил Васильевич Усуров со свойственной ему привычкой с головой погружаться в различные научные исследования уже битый час находился в своем кабинетике в подвале поместья. Разум его полностью застирала безумная жажда познания тайны, из-за которой столько лет погибали люди. Он сидел за столом в окружении книг, что-то записывая на бумаге, что-то вычитывая из литературы, которую так не любили в его семье.

Кабинет, в котором он часто запирался от надоевшей ему семейки, был очень тесным, в основном из-за того, что основную его часть занимали шкафы с книгами и колбы всевозможных размеров и форм, наполненные одному ему известными ядами и лекарствами. Единственным источником света, кроме ламп и свечей, было небольшое окошко, сквозь

которое изредка проникал солнечный свет и сразу же падал на широкий стол с высокими стопками бумаг и рукописей.

Вот уже двадцать лет Михаил Васильевич проводил время в окружении исторической литературы, выписок определенных глав из библии и не менее ценных для него трудов великих ученых. Забыв обо всех, кто отверг его и посчитал безумным – о семье, мужчина ждал прихода только одного человека, с которым мог поговорить на любую тему, в частности и о Чаше Грааля. Он надеялся, что в их доме вновь появится Лагардов, склонный интересоваться любыми просветительскими идеями и философскими вопросами. Ему было важно мнение статского советника, способного поговорить обо всем.

В кабинет без стука вошла Мария Романовна. Особого внимания ее присутствию Михаил Васильевич не уделил, будучи занятым в своих научных открытиях. Женщина подкралась к его столу, мягко обратившись:

– Любезнейший мой Михаил Васильевич, – говорила она, постукивая ноготками по деревянной поверхности, – милый мой, вы не одолжите мне немного вашего крысиного яда?

– Уважаемая Мария Романовна, – посмотрел он на нее, поняв, что сегодня его больше не оставят в покое, – позвольте поинтересоваться, зачем вам столько яда? Вы каждый месяц берете его у меня?

Женщина растерялась. Он предпочитал смотреть на нее любопытным взглядом скептика, начавшим подозревать что-то неладное.

– Понимаете ли, – ее взгляд бегло осматривал шкаф с колбами, ища тот самый крысиный яд, – в моей оранжерее есть растения, для которых ваш яд является лучшим удобрением. Представляете?

Смех Михаила Васильевича разнесся по всему кабинету. Мария Романовна сконфузилась от такого нахального ответа на ее просьбу. Ее мысли окутало сомнение в том, поверил ли он в ее оправдание. Скорее всего, нет. Вот, за что она недолюбливала этого человека – за то, что он знал слишком много, и одурачить его было не так уж просто.

– Не вижу ничего смешного! – возмутилась женщина.

– Простите, – успокоившись, произнес Михаил Васильевич, – просто... я что-то не слышал о растениях, которых удобряют ядами. Вы мне покажите их?

– Что бы вы пустили их на свои опыты? – фыркнула она. – Нет уж, вы и так мои ландыши превратили в свои лекарственные настойки... от чего они?

– Любезная Мария Романовна, – вздохнув, сказал он, – в них содержатся вещества, способствующие укреплению сердечной мышцы. Я изготавливаю это лекарство для нашего всеми любимого Василия Ивановича.

– Вот зря! – не подумав, заявила женщина. – То есть, я хотела сказать, что, возможно, именно из-за вашего лекарства у моего свекра такие проблемы с сердцем.

Михаил Васильевич проигнорировал ее замечание, отойдя к шкафу с настойками. Любопытный взгляд дамы пал на него. Искра радостного предвкушения засверкала в ее глазах. Казалось, она могла вот-вот заулыбаться и захлопать в ладоши, как маленькая девочка. Мужчина, достав с верхней полки нужный флакон, протянул его женщине, с ухмылкой сказав:

– Вот, милая Мария Романовна, забирайте и, будьте так любезны, поскорее ступайте травить ваши странные растения. У меня дела.

Она выхватила из рук его яд и кинулась прочь из кабинета. В следующую секунду шейф

ее березового платья уже скрылся за дверью.

Кто мог предположить, что в комнате на втором этаже случилась интересная ссора между дочерью Михаила Васильевича – Натальей и ее супругом Степаном Владимировичем Кезетовым. Это был худой достаточно высокий светловолосый мужчина, на полголовы выше Лагардова. Правда, это было не особо заметно из-за его постоянной привычки сутулиться. Лет ему было около тридцати четырех, происходил из семьи мелких помещиков, переехавших в Санкт-Петербург пятнадцать лет назад, служил губернским секретарем в том же министерстве, что и Александр Леонидович. К слову сказать, со статским советником отношения у него были весьма напряженные; они почти не общались, сталкиваясь в свете, встречаясь дома, в кругу семьи, когда Лагардов приезжал с супругой и сыном, Степан Владимирович избегал общения, а на службе – и вовсе старался не встречаться с ним.

Что могло служить причиной сего поведения? Скорее всего, ему не нравилось то, как к графу относится семейство Усуровых, то, как они все преклоняются перед ним, вознося в ранг святого. Губернскому секретарю было противно и отношение самого статского советника к ним – его привычка избавлять их от любых проблем, заботиться и оберегать. Он до сих пор, за все шесть лет, так и не понял, зачем Александр Леонидович делал это.

Можно ли было выделить в качестве основной проблемы Кезетова зависть? Безусловно, да. Его раздражала успешность Лаардова, то, как о нем отзывались в высшем свете люди, приближенные к императору, с придыханием в голосе, произносившие эту фамилию.

Сейчас Степан Владимирович лежал на диванчике возле окна и наблюдал за Натальей Михайловной, расхаживающей по комнате и недовольно размахивающей руками. Она кричала, срывая и без того хрипловатый голос и ударяла костлявыми кулаками в подушки, пытаясь хоть как-то заставить супруга слушать ее.

– Нет, я понять не могу... – возмущалась она. – Неужели, так сложно уделить хоть немного времени семье? Я не говорю уже о моем отце, брате и других родственниках – о них вы, муж мой, забыли давно! Я говорю обо мне, о наших детях!

Ее пренеприятнейшие крики можно было услышать на первом этаже дома. Пока еще не оглохший Кезетов кивал, соглашался с ее словами, будучи погруженным в свои раздумья.

– Вы слышите меня? – в том же тоне произносила женщина.

– Да, дорогая моя Наталья Михайловна, я вас прекрасно слышу. – Спокойно, как ни в чем не бывало, отвечал Степан Владимирович. – Более того, кроме меня, вас все слышат. Не удивлюсь, если после этого Анна Николаевна не захочет выходить замуж.

Очередной порыв неконтролируемого возмущения задел ее. Женщина так не хотела разговаривать о столь нелюбимой ею кухне, а тут супруг еще посмел обвинить ее в демонстрации дурного примера этой распутной девчонки. С самого детства все лучшее доставалось только Анне: внимание всех родственников всегда принадлежало крошечной рыжей девочке, любовь близких существовала только для нее – так было раньше, а теперь ко всему прочему добавился интересный факт о ее недавно начавшемся романе с Лагардовым. Вот оно, самое верное и лучшее оружие в борьбе с ненавистной кухней – слухи! Вот, что могло положить конец всей этой сказке, созданной для Анны Николаевны. Это было самое смертельное, но в то же время самое прекрасное из всех ядов на свете – любовь. Любовь юной девушки к человеку, разбившему не одно нежное сердце и погубившему не одну человеческую жизнь.

– Вас беспокоит ее брак? – продолжила кричать Наталья Михайловна. – Да вы бы о своем браке подумали!

– Мой брак меня полностью устраивал... – пробурчал Степан Владимирович, – по крайней мере, до сегодняшнего дня...

Она, очевидно, услышала его. Заметив ее покрасневшее от недовольства лицо, губернский секретарь вскочил с дивана. Пенсне его упало на пол, чудом не разбившись после встречи с твердой поверхностью. Бледность подступила к щекам Кезетова, губа нижняя дрогнула, сердце замерло. Холод пробежал по его спине, выведя из состояния ступора. Степан Владимирович с опаской наклонился, дрожащими руками поднял пенсне, робко протер пальцем стекла и вернул очки на прежнее место.

– Вы еще иронизируете? – не менее громко заявила Наталья Михайловна.

– Боже упаси, милая моя, я ж... – не договорил губернский секретарь.

– Ох, – женщина бессильно опустила на диван, – ну отчего ж вам не взять пример с Александра Леонидовича?

Он тут же встрепенулся. Глаза его вспыхнули злым огнем, сердце ожило и забилось в одном ритме с закипавшей в венах ненавистью к этому человеку.

– Вот какие бы легенды о нем не ходили по городу, он все равно находит время для семьи, столько всего делает для всех нас! Сколько бы развратных и ужасных деяний он бы не совершил, все равно об Анастасии и сыном беспокоится. Да что там об Анастасии с сыном, обо всех нас! – продолжила она. – А вы, муж мой? Александр Леонидович и вас ведь на службу-то устроил...

Степан Владимирович не стерпел. Тут же он подбежал к жене, схватил ее за плечи, заставив подняться с дивана, и с неоправданной, вовсе несвойственной ему смелостью потрянул ее пару раз, как девочка трясет старую куклу. Эмоции били через край, возмущение легкой сединой стало проступать между редких светлых его волос.

Он впервые слышал о таком интересном факте, что, как оказалось, даже своим незначительным местом в министерстве он был обязан Лагардову. Впервые осознавал, что благодаря именно тому человеку, которого он так долго проклинал, у него было хоть этакое жалкое жалование, обеспечивающее жизнь его семьи. Хотя, какой именно семьи? Той крошечной, что он отрывал от рода Усуровых, назвав их Кезетовыми, но при этом, позволив им и, в том числе, себе жить в одном доме вместе с родственниками жены? И даже этим он был обязан статскому советнику. Ведь если бы пять лет назад Александр Леонидович не вступился бы перед императором за род Усуровых, сохранив честь семьи, то кто знает, как бы сейчас существовали бы все они.

– А теперь, милая моя, – продолжая трясти ее, произносил Степан Владимирович, – расскажи-ка поподробнее об этой истории. Кто меня на службу-то устроил?

Женщина задыхалась то ли от истеричного смеха, вызываемого видом ничтожного супруга, то ли от слез, возникающих при виде его. Ее прическа растрепалась, и светло-русые локоны ее то и дело спадали с плеч. Теперь они поменялись местами: он – кричал, а она – была жертвой. Правда, даже жертва из нее вышла слишком злобная, не особо обиженная скандалом. Наталья Михайловна знала, ни на что, кроме криков, ее супруг не был способен. У него был слишком мягкий характер, благодаря которому он не мог обидеть кого-то.

– Вы и вправду хотите знать? – прекращая смеяться, спросила она.

Кезетов кивнул.

– Ладно, – обирая его руки со своих плеч, продолжила женщина, – так уж и быть, я

расскажу вам все.

– С нетерпением жду, Наталья Михайловна! – сурово сказал губернский секретарь.

– Итак, дорогой мой Степан Владимирович, помните ли вы, как лет девять назад, когда меня только выдали за вас замуж, правда, я до сих пор понять не могу по какой ошибке... – она остановилась, заметив его негодование. – Ну, право, не обижайтесь на меня, милый мой супруг! Я ж не со зла. – Только сейчас она решила закрыть дверь на ключ. – Продолжим, тогда вы были еще солдатом, таким молодым и глупым... Вы мне клялись, что через год дослужитесь до титулярного советника, а на деле? Вы за три года в службе-то не продвинулись!

Он хмурился и, не теряя гордости во взгляде, смотрел на нее. За это Кезетов всегда осуждал жену – за способность припоминать самые неприятные воспоминания из прошлого. Была, конечно же, и друга причина – ее манера шушукаться за спиной людей, обсуждая их ошибки, несчастья и проблемы, при этом искренне в душе радуясь этому. Точно так же Наталья Михайловна нашла себе новый предмет осуждений – Анну и уже давно ставшего таковой жертвой Лагардова. Она и прежде старалась найти, в чем можно уличить статского советника, а после сего обсудить это. «Двуличная змея!» – так всегда думал он о ней, думал, но не говорил в глаза...

– Мне продолжить? – отвлекла она супруга.

– Да... – нерешительно ответил Степан Владимирович.

– Тогда же Анастасия Николаевна замуж за Лагардова вышла. И я решила, грех не воспользоваться такими связями! Ну... поговорила с Марией Романовной, а она уже с самим Александром Леонидовичем...

– Быть не может! – хватаясь за сердце, воскликнул Кезетов.

– Может, может! – язвительно добавила она. – А вы что думали, вам эту должность за просто так дали? За красивые глаза? Да, хотя о чем это я... – Еще один ее унижительный комментарий в его адрес. – Думали, вас повысили за наигранное и неубедительное подхалимство? Честное слово, смеяться хочу от одной мысли об этом! Вы, Степан Владимирович, хоть бы врать научились.

– Да как ты... вы... – вяло возмутился губернский секретарь.

– Извольте на меня потом голос повышать. А пока, прошу меня извинить, – торопливо произнесла Наталья Михайловна, – я должна посмотреть, как проходит день у наших детей, если вы, конечно, еще помните их.

Не сказав больше ни слова, она отошла к двери и повернула ключ несколько раз. Через мгновение Степан Владимирович услышал уже привычный для него звук с яростью захлопнувшейся двери. Он посмотрел в окно – погода испортилась, как по волшебству, еще некогда солнечный день превратился в ветреный и снежный. Небо по-прежнему сгущало серые краски, совмещая всевозможные оттенки свинцового цвета. Только теперь его разбавили белые снежинки, медленно падающие и бесшумно опускающиеся на землю. Погода изменилась, как и его представление о собственной карьере. Раньше он всегда был уверен, что своим честным трудом добился звания губернского секретаря, в сейчас у него отобрали даже это утешение. Кезетов больше не мог думать о службе, с этого дня спала пелена с его глаз, доселе застилающая взор.

В то время Наталья Михайловна, не спеша, зашла в детскую комнату. Ни умиление, ни радость, ни счастье – ни одно из этих чувств не охватило ее. Она продолжила стоять в дверях, издали наблюдая за детьми: старший сын Вовочка сидел возле окна и увлеченно читал

какую-то старую книжку, единственная дочка Лизонька – сидела в креслице, играя с новой куклой, второй сын Паша – как-то замкнуто сидел в углу на кровати, искоса наблюдая за всеми. Четвертый же, самый младший ребенок – Ванечка лежал в колыбели, которую качала уставшая старая няня – седая женщина лет пятидесяти. Она даже не обратила внимания на неожиданно вошедшую госпожу Кезетову, так и продолжила сидеть возле ребенка, подперев голову и качая кроватку.

Единственным из всех детей, кто посмотрел на мать, был замкнутый Паша, одетый в белую пижаму. Да, и обратил ли внимания он на нее? Наверное, нет, просто так совпало, что его потухший от болезни взгляд был устремлен на дверь. Что можно было сказать об этом ребенке, кроме того, что он был слишком тихим, нелюдимым, проще говоря, никому ненужным, а поэтому и таким замкнутым? Мальчику этому было четыре года, рост у него был низенький, даже для такого маленького возраста, телосложение – щуплое, волосы – светлые. Голосок Паши нельзя было описать, так как его еще никто не слышал. Лицо мальчишки казалось настолько крошечным, что с расстояния трех – четырех метров невозможно рассмотреть даже маленьких темных глазок, не говоря уже о незаметном носике, впалых щеках и бледных губах. Болезнь наложила свой отпечаток на этого ребенка.

Полной противоположностью ему была сестра – Лиза. Шестилетняя девочка в бледно-розовом платьице с длинными русыми косичками хоть и не двигалась, но обладала весьма задиристым характером. Она сидела в кресле, играла с куклой, прожигая ее высокомерным, не свойственным детям, взглядом. Лицо ее, покрытое веснушками, выражало слишком гордый вид: бледно-зеленые глаза были наполовину прикрыты веками, что придавало ее виду надменности, нос был как-то слишком высоко задран, губки надуты в вечно недовольном положении. Ее ручки то и дело пересаживали куклу с одного места на другое, крошечный ротик шептал что-то, а указательный пальчик иногда застывал в грозном положении.

Если говорить о старшем, Вова, то можно сказать следующее: это был мальчик восьми лет темненький высокий, но при этом немного плотный. Он разделял увлечения своего дедушки – Михаила Васильевича, а точнее, был подвержен его просветительским идеям. Этот ребенок был единственным, среди детей Натальи Михайловны, который хоть изредка брал в руки книгу. Непохожий ни на отца, ни на мать, он считался ими неудачным сыном, проваленной попыткой воспитания подрастающего поколения. Нелюбимый из-за этого родителями Вова предпочитал сторониться их, поэтому рос слишком самостоятельным ребенком. Он сам решал, что ему каждый день надевать, что есть и как общаться с братом и сестрой. Сейчас он сидел у окна, будучи одетым так, как сам посчитал нужным: светлая рубашечка, темные брючки и ботиночки.

– Давно спит? – шепотом обратилась к няне Кезетова.

Ее голос, прервавший тишину, разнесся по комнате.

– Только уснул. – Ответила няня.

Наталья Михайловна даже не удосужилась подойти к колыбели, в которой спал годовалый сын. Ее спокойный взгляд, не выражавший ничего из тех чувств, свойственных любой матери, мрачно пробегал по комнате: по белым стенам, светлому полу, предметам мебели таких же оттенков. В детской комнате было слишком безмятежно, слишком тихо; никто не бегал с веселыми криками, счастливый звонкий смех не слышался за дверью. Какая-то суровая тень мертвого спокойствия окутала помещение.

Внимания со стороны детей не было: Вова не отложил в сторону книгу, не подошел

к маме, обняв ее, Лиза не оставила куклу и не подбежала к ней, не говоря уже о Паше, продолжившем сидеть в углу на кровати. Они не считали нужным проявлять интерес к женщине, столь редко посещавшей их, их не тянуло к матери, которую они видели только за семейным завтраком, обедом и ужином.

Весь вечер Лагардов проспал в кресле, подальше от постели жены. Впервые за два дня он смог хоть немного успокоиться, позволив себе самую великую на тот момент для него роскошь – уснуть, ни мучая себя страхами за здоровье Анастасии, ни осуждая за интерес к Анне, ни тревожась за переживания Алеша. Он просто спал, вжавшись в мягкую спинку кресла, сложив руки на подлокотники и немного задрал голову вверх. Огонь в камине, из-за жара которого Александр Леонидович расстегнул рубашку, со временем потух, уступив власть в комнате холоду.

Спальня была залита мертвенно-бледным светом молодой луны – единственным, что спасало помещения от ночного мрака. Тишина окутывала поместье, даже Алеша, привыкший, что перед сном ему отец читал сказки, в этот раз не посмел потревожить покоя родителей. В комнате рассеялись даже тихие стоны боли, еще пару часов назад грубо врезавшиеся в голову статского советника. Все стихло, рассыпалось в царившем вокруг покое, погребло, подобно счастливому браку Лагардовых, оставив о себе лишь мутные смешанные воспоминания. Кто знает, может быть, все и должно было произойти именно так? Возможно, семейное счастье, словно призрачная тень, должно было исчезнуть? Да и было ли оно вообще? Нет. Все эти красивые слова: любовь, счастье, верность – все это не больше, чем выдумка людей, создающих для себя и близких иллюзию чего-то светлого, искреннего и поистине святого...

Неожиданно для самого себя Александр Леонидович вздрогнул во сне и тут же проснулся. Оглядев комнату, он тихо встал и приблизился к постели, на которой спала Анастасия Николаевна. Как ужасно она выглядела в своем состоянии! Измученная болью и вчерашними слезами, криками и мольбами женщина, казалось, постарела на несколько лет вперед: ее светлые длинные волосы чуть ли не побелели и перестали виться, как прежде, глаза опухли, и кожа вокруг них покраснела, щеки утратили прежний розовый оттенок. Лагардов продолжал смотреть на нее, не понимая, какие чувства рождались в глубине его холодного сердца. Одна эмоция сменяла другую; сначала появился безумный всплеск радости, порожденный увяданием жены, затем на смену ему пришло сожаление о том, что он сотворил, и, а затем – вновь радость, в конце убитая равнодушием.

Только сейчас он осознал, что это было самое верное и единственное свойственное ему чувство. Александр Леонидович не мог ответить самому себе на собственный же вопрос: зачем все это? Зачем он взял ее в жены шесть лет назад, отказавшись от столь дорогой ему свободы? Зачем одурачил ее умело подделанными признаниями в любви? Зачем пошел тогда на похороны? Зачем заговорил с Анной? Он не знал, как ответить на эти вопросы, но свято верил лишь в одно – это было не случайно. Весь брак, этот кошмар продлившийся шесть лет, был платой за его прежнюю свободу и ужасные последствия. Сейчас же у него появилась возможность вновь сбросить проклятые оковы и забыть обо всем, сбросить ненавистную маску заботливого семьянина. Статский советник мог стать прежним, оставалась самая малость – избавиться от супруги так, чтобы не навредить ни своей репутации, ни ее чести. Да, он был готов с легкостью, не боясь осуждений двора, променять надоевшую за шесть лет жизнь с одной женщиной на давно забытую свободу, окруженную прекрасными юными

девами. Никто бы не решился осудить его, ведь он – статский советник, граф...

Но в следующую секунду эта коварная мысль улетучилась, уступив другому более чистому порыву. Александр Леонидович, сам того не осознавая, присел на край постели, с нежностью взял правую руку жены и поднес холодную ладонь к губам. В этом прикосновении не было ни страсти, ни любви, ни даже элементарной заботы. Просто порыв, просто минутное проявление слабости и искреннего уважения к этой женщине... не более. Мужчина уважал ее за то, что она, как могла, скрашивала его скуку в течении шести лет, за то, что она подарила ему ребенка, пусть и одного. Но он не любил ее за это. Просто, прекрасно зная свой характер и сладострастные порывы, удивлялся выносливости Анастасии Николаевны. За это статский советник был готов стоять перед ней на коленях, целовать ее руки, шепча равнодушно «Спасибо».

Вдруг она начинала ворочаться, просыпаясь. Лагардов мгновенно бросил руку супруги, словно руку прокаженной, хотя только что сжимал ее в своих ладонях, целовал и гладил, стараясь скрыться, не видя её лица. Он не хотел, чтобы она видела этого, не желал более обманывать ее, притворяясь любящим мужем. Александр Леонидович не смел сейчас проявлять какие-либо чувства к ней, надеясь на ее скорое выздоровление, которое могло подарить ему надежду на расставание. Он был уверен: если Анастасия Николаевна увидела бы его пару мгновений назад, точно бы со свойственной всем женщинам манерой фантазировать подумала, что смогла удержать его. Тогда бы мужчина проиграл.

Статский советник уже поднялся и собрался уходить, но, не открывая глаз и не шевелясь почти, Анастасия Николаевна прошептала:

– Александр Леонидович, как там Алеша?

Он резко остановился, развернулся на каблуках и посмотрел на нее. Женщина даже не двигалась, только ее губы слабо шевелились и как в бреду произносили его имя. Голод коснулся его спины, а что если она видела, как он целовал ее руки. Эта жуткая мысль постепенно начала сводить его с ума. Мужчина не решался: подойти к ней и ответить на вопрос или хладнокровно, переступив через привитую в браке доброту и забыв об уважении к жене, выйти из комнаты и оставить ее одну. До его слуха донесся ее слабый стон. Секунда – Александр Леонидович уже сидел возле нее и, не глядя на перебинтованные руки, протянутые к нему, снова сжимал их в крепких ладонях. Как это произошло? Он не отдавал себя отчет, почему так поступил, чья-то невидимая рука толкнула его, заставив оказаться возле супруги.

– Он в порядке, – ответил статский советник, не отрывая взгляда от ее лица, – справляется о Вас, скучает...

Его голос звучал достаточно холодно, равнодушно. Анастасия Николаевна вздохнула, прекрасно понимая, что это означало. Он проводил время возле нее только ради приличия, не из-за того, что любил. Женщина боялась открыть глаза и посмотреть на него, ибо, если бы сделала это – сразу бы заплакала, забилась в истерике, из последних сил упала бы перед ним на колени, умоляя его остаться. Теперь для нее было смертельно смотреть на мужа, ведь тогда в ее памяти возродились бы счастливые моменты прошлых лет, связанные с этим человеком, чье обаяние не могло оставить равнодушной ни одну женщину. Она даже сейчас с закрытыми глазами могла видеть его идеальный образ: аккуратно зачесанные назад темные волосы, чистые, как хрусталь, светло-голубые глаза, обрамленные темными ресницами, длинный узкий нос, резко очерченные скулы, из-за этого немного впалые щеки и потрескавшиеся от мороза плоские губы, поцеловать которые она так желала.

– Вы провели возле меня весь вечер, только вернувшись с работы, зачем? – госпожа Лагардова с трудом произносила каждое слово.

Александр Леонидович удивился такому вопросу. Она сама так желала, чтобы он был с ней, был рядом, а теперь имела наглость спрашивать, зачем он сидел возле нее. Мужчина, сдерживая возмущение, дотянулся до небольшого столика возле кровати, взял лежавшие там свои карманные часы и, нервно постукивая пальцами по колену, посмотрел на циферблат. Было одиннадцать часов вечера. Потом его взгляд пробежал по комнате, впервые он заметил, что доселе сидел с женой в полной темноте, прорезаемой единственным бледным лучом луны, косо падающим на дверь. Статский советник поднялся, отошел от жены и через минуту начал зажигать свечи возле ее постели. Ему не хотелось видеть свет ламп, только магический отблеск свечей. Анастасия Николаевна за это время растерялась, испугавшись, что супруг оставил ее. Она приоткрыла глаза, увидев мужа со свечей в руках. Тут же душу ее окутал хрупкий временный покой. Он был рядом, а остальное сейчас ее мало волновало.

– Зачем? – вновь спросила она.

Статский советник наклонился к ее лицу и, едва соприкоснувшись с дрожащими женскими губами, прошептал:

– Я должен был так поступить. Не рассчитывайте на большее, Анастасия Николаевна.

– Что же вы совсем не любите меня?

Ее вопрос хранил в себе ответ, который она так не желала услышать. Женщина смотрела в его глаза, надеясь на обратное. Воистину, это был редкий случай, когда разум твердил одно, внутренний голос вторил ему, каждая клеточка тела соглашалась с этой мыслью, а наивное сердце все еще верило в лучшее. Анастасия Николаевна не хотела принимать такую новость, отказывалась мириться с новой страстью мужа. Но бороться за него больше не могла, у нее не хватало на это сил. Она сжала его руку так слабо, как обычно это делают умирающие. Действительно, госпожа Лагардова погибала от его хладнокровной решительности.

– Не спрашивайте о том, что не хотите слышать! – произнес мужчина.

Это был самый ужасный удар, самое сильное потрясение в ее жизни. Александр Леонидович даже не отстранился от ее лица, продолжив изучать его некогда божественные черты. Теперь он не мог понять, что нашел в ней шесть лет назад, если она не могла сравниться с Анной. Ее поблекшая с годами красота меркла пред очарованием юного невинного создания. Не было ни блеска в глазах, ни ослепительной улыбки, ни нежного шепота. Вместо этого остались только пепел в потухшем взгляде, выдавленная слабая ухмылка и хриплый, словно последний в жизни, стон. Анастасия Николаевна изменилась, постарела и перестала интересоваться его. Статский советник ласково провел пальцем по щеке жены, будто успокаивая ее и подготавливая к серьезному разговору. Она хоть и знала, что эта ласка не вызвана ни любовью, ни страстью, а жалостью, все равно была искренне рада даже такому проявлению интереса со стороны любимого мужа.

– Что будет дальше?

Женщина только сейчас заметила, насколько низко он нависал над ней. Голова ее закружилась от одной мысли о том, что супруг, возможно, в последний раз так близок к ней. Она слабо обхватила руками его спину, постаравшись прижать ближе к себе, но у нее ничего не вышло. Александр Леонидович замер на месте, не позволяя себе сделать лишнее движение, которое жена могла бы посчитать прихотью страсти. Она же только и хотела этого. Статского советника забавляло это желание супруги, находящейся на грани между жизнью и смертью, но при этом не теряющей шанса соблазнить его. Через минуту он решил

ответить ей предельно честно:

– Вы хотите знать, что будет дальше? – она кивнула, с замиранием сердца слушая его бархатный голос. – Хорошо. Дальше... дальше все просто, Анастасия Николаевна: вы умрете.

Эти слова, до глубины души потрясшие ее, были произнесены им с привычным хладнокровием. Глаза Александра Леонидовича загорелись всепоглощающим кровожадным огнем, способным уничтожить все, что угодно. Госпожа Лагардова, только отошедшая от шока, с ужасом догадалась, что за мысли пронеслись в голове мужа. Его крепкие руки в следующий миг плавно переместились на ее тонкую шею. Сначала прикосновения были для нее едва ощущаемыми, но затем пальцы мужчины начали все сильнее сжимать хрупкую кожу, грозя оставить после себя заметные синяки. Взгляд статского советника не выражал каких-либо эмоций, и глаза его по-особенному блестели в романтическом полумраке и золотистом свете свечей. Он, казалось, не чувствовал ничего, будто делал то, что должен был. Анастасия Николаевна начала задыхаться и, еле дыша, стала хвататься ослабевшими пальцами за сильные руки мужчины. Она пыталась заставить его передумать, впуская остренькие ногти в его запястья, кашляя, дергаясь.

Ничего не помогало, Александр Леонидович игнорировал ее отчаянные, хоть и несильные, попытки ухватиться за жизнь. Ее посиневшие губы тихо шептали: «Прошу, не надо!», но он продолжал, будто не слыша эти мольбы. Она пыталась кричать, звать на помощь, но статский советник так сильно сжимал ее шею, что произнести громко слова у нее не получалось. Женщина била его по спине, царапала ее в кровь, забираясь под тонкую ткань рубашки. Он не останавливался. Душил мужчину ее медленно, испытывал небывалое упоение, чувствуя, как под его ладонями пульсировала сонная артерия. Он давно скучал по этим непередаваемым ощущениям, по этой возможности чувствовать себя властителем чьей-то жизни. Возможность вновь решать судьбу хрупкого создания была предоставлена ему самой судьбой.

Александр Леонидович, опьяненный мольбами жены и ощущением того, как кровь под ее кожей благодаря его стараниям все медленнее и медленнее поступает к голове, не слышал ее. «Пожалуйста! Остановись, если в тебе осталось хоть капля любви к Алеше... остановись!» – на последнем дыхании лепетала Анастасия. Она думала только об одном – нет, не о сыне, ее разум занимала только одна мысль – позволить ли ему закончить начатое и убить, или же еще раз обратиться к его совести. С одной стороны – женщина не могла представить жизнь без него, а, зная решительность, статского советника, она могла не сомневаться, что он променяет ее на Анну. С другой же стороны – она хотела жить, если не ради мужа, то хотя бы ради сына. Анастасия Николаевна не хотела позволить ребенку вырасти и уподобиться отцу, став таким же губителем хрупких молодых дев. Выхода у нее не было, все зависело только от Лагардова. Ее спас тихий детский голосок, неуверенно обратившийся к графу:

– Папа? Папа, что ты делаешь?

Мужчина остановился, глаза его округлились, сердце забило быстрее. Он предполагал разные развития событий: от смерти Анастасии до неожиданного землетрясения, но такое предугадать был не в силах. Статский советник так боялся, что мальчишка заглянет в спальню именно в этот момент и увидит все происходящее. Его опасения сбылись. Ребенок видел, как его отец душил его же мать. Только сейчас Александр Леонидович смог взглянуть на ситуацию со стороны, представив себя на месте пятилетнего сына: папа нависал над мамой, медленно лишая ее жизни. Он нерешительно повернулся в сторону мальчика, ослабив

хватку и позволив жене сделать вдох. Алеша в милой пижаме стоял возле двери, прижимая к себе белого игрушечного медвежонка, в его глазах читались страх и растерянность. Безусловно, ребенок и не подумал бы ничего ужасного, если бы мать отчаянно не вырывалась, а на лице отца не проступала бы хищная улыбка.

– Алексей! – спокойно, но в то же время твердо произнес Лагардов. – Выйди немедленно из комнаты и ступай спать!

Мальчик, испуганный таким поведением отца, не пошевелился.

– Немедленно! – повторил статский советник.

Ребенок вздрогнул и тут же выбежал из спальни родителей, не понимая, из-за чего отец был так зол. Впервые в жизни он предстал перед сыном таким жестоким, пугающим. Мальчишка не знал, куда пропал прежний заботливый и любящий папа, с нежностью относившийся к маме. Боясь стать свидетелем еще одного изменения, Алеша заперся в своей комнате, залез под одеяло и крепко прижал к себе игрушку, дрожа от страха.

Александр Леонидович тем временем отпустил супругу, отошел к окну и прислонился щекой к холодной стеклянной поверхности, украшенной легкими морозными узорами. В следующий миг стекло запотело от горячего дыхания, и эти чудесные творения зимы исчезли, будто их и не было. Остались только прохладные капли, быстро скатившиеся вниз. Мужчина закрыл глаза. Точно так же он прежде лишал счастливого будущего очаровательных девушек, точно так же он чуть не убил супругу. Через пару минут статский советник ощутил, как его торса коснулись слабые женские руки, еще недавно бьющие его спину. Он открыл глаза и увидел, как раны на перебинтованных запястьях начали вновь кровоточить и перекрашивать белую материю в алый цвет.

– Я люблю Вас, Александр Леонидович! – донесся до него шепот жены.

Он оставался спокойным, словно не замечая ее умоляющего взгляда, затуманенного слезами, словно не слышал ее шепота. Мужчина был равнодушен. Мысли его занимало только одно – как он теперь будет разговаривать с сыном, что скажет мальчику, как отныне будет смотреть в его глаза? Его беспокоило только отношение ребенка, только Алеша. Лагардов слишком сильно любил сына, возможно, больше жизни...

– Если я не задушил Вас, это не значит, что что-то питаю к Вам. – Уверенно сказал он.

– Но, Александр Леонидович, – женщина терялась, желая убедить его в обратном, – умоляю вас...

– Анастасия Николаевна, вы останетесь моей женой на время и только формально, – перебил ее статский советник, – пока я не придумаю, как нам быть дальше. Понятно?

Каждое слово мужа резало ее душу на мелкие кусочки. Она осознавала, что впредь не будет прежней семьи, все теперь было разрушено. Отныне Александр Леонидович больше никогда не будет верным супругом... никогда. Но при этом, где-то в глубине сердца женщина ликовала: пусть даже формально, пусть даже на время, но она останется его женой. Только вот могла ли тогда предположить, что после этого Лагардов не откажется от заманчивой идеи близости с ее сестрой? На данный момент ее это не особо беспокоило. Она была готова стерпеть все, только бы иметь возможность каждое утро просыпаться в объятиях, не смотря ни на что, любимого супруга. Александр Леонидович немного повернулся, провел рукой по ее спине, поцеловал в макушку и мрачно прошептал: «Только на время, и только формально!»

Глава 6. Откровение

Ночью в поместье Усуровых спали все, кроме Анны Николаевны. Она лежала в постели, прожигая уставшим взглядом окно, за которым виднелась полная луна. Бледный луч ночного светила падал на ее бледное лицо, словно благословляя все мысли этой случайной жертвы страсти, страдающей бессонницей. Девушка даже не замечала, как сама желала погрузиться в сон, которому препятствовал навязчивый образ желанного мужчины. Больше всего она хотела, чтобы время остановилось, потом повернулось вспять, и у нее появилась возможность пережить этот день заново. Ее безумным желанием было вновь прикоснуться к Лагардову, вновь почувствовать его горячее дыхание на своей шее, вновь вдохнуть одурманивающий аромат его одеколона. Анна жила этими прошедшими мгновениями, мечтала их вернуть, не думая о будущем. Вот она, ошибка все людей – привычка жить прошлым, с придыханием вспоминать о том, что уже никогда не повторится, забывая о новом дне, которому суждено будет наступить.

Забывая обо всем, красавица все думала о статском советнике, о его жестах, словах. Его сдержанность, подавляющая пылающее в глазах заметное желание, была непонятна ей. Что останавливало Александра Леонидовича там, в министерстве? Только лишь мысль об оставшемся дома сыне? Она не верила в это, нет, было что-то еще. Он зачем-то тянул время, выжидал какого-то момента, тем самым сводя ее с ума. Анна начинала догадываться, то была игра, которая не была придумана графом, а изобретена еще за сотни лет до них. То был самый надежный способ управлять человеком – исполнять его прихоти понемногу, рисковать ради него, ожидая ответного риска, отравлять душу маленькими каплями страсти, и называть все это простым словом «любовь».

Вот – что делал Лагардов. Он играл с ней, притворяясь удивленным и растерянным, на самом деле с интересом наблюдал за ее реакцией. И она не разочаровала его. Желая разврата, девушка была готова пойти на все, сделать все, что только было угодно душе статского советника. Анна даже не подозревала, что отныне она не управляла собой, все ее мысли, желания, мечты, страхи, волнения – над всем властвовал Александр Леонидович. Задумавшись, она не заметила, как провалилась в сон.

А дальше был только холод, пронизывающий до костей, и тревожное ощущение чего-то ужасного рядом. Прохладный ветер коснулся ее спины, и тут же тьма вокруг расступилась, подобно густому туману. Впереди Анна увидела высокое старое зеркало, обрамленное темным деревом с резными узорами. Приблизившись к нему, она увидела свое отражение: голову ее венчала диадема, сверкающая бриллиантами, и тонкая, прозрачная фата, под ней рыжие волосы были собраны в достаточно простой прическе, огненные вьющиеся локоны спадали с открытых плеч, шею украшало алмазное ожерелье. Казалось, все выглядело идеально, не считая забрызганного кровью белоснежного платья со светло-бежевым корсетом. Страх проказой медленно разнесся по венам, дрожь сковала тело, и сердце застучало сильнее, будто собралось выпрыгнуть из груди. Крик, который так отчаянно вырывался из ее горла, замер и не смог потревожить царившего вокруг покоя.

Не понимая, зачем, девушка решила пройти вперед, вглубь черного тумана. Анна то и дело оглядывалась по сторонам, чувствуя чье-то присутствие рядом. Справа, вдалеке она заметила высокое скрючившееся от старости дерево, на котором не было ни одного листка:

ни желтого, ни зеленого. Уродливые ветки его казались слишком неестественными, загнутыми, а на одной из них красавица заметила свисающую вниз веревку и силуэт человека, болтающегося в петли при малейшем дуновении ветра. На миг она подумала, что человек тот был жив, так как резко дернулась его левая рука. Слева от девушки виднелся густой лес, в глубине которого заметно пылал костер. Благодаря его отблеску можно было заметить пляску жутких теней вокруг, карнавал злых духов, созданный присутствием мрачных призраков с хвостами, копытами и рогами.

[Купить полную версию книги](#)